

Нырнула. Выжила.
Победила.

Фейбл

ЭДРИЕНН
ЯНГ

18+

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

Young Adult. Фейбл. История наследницы моря

Эдриенн Янг

Фейбл

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Янг Э.

Фейбл / Э. Янг — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Фейбл.
История наследницы моря)

ISBN 978-5-04-168030-5

Для семнадцатилетней Фейбл, дочери самого влиятельного торговца в Нарроу, море – единственный дом, который она когда-либо знала. Прошло уже четыре года с той ночи, когда шторм забрал жизнь матери на глазах у девочки, а отец бросил ее на острове, кишасщем ворами. Выживая в одиночку, Фейбл научилась никому не доверять и использовать силу, доставшуюся ей от матери. Желание выбраться с острова, найти отца и потребовать свое законное место рядом с ним и его командой – единственное, что заставляет девушку двигаться дальше. Чтобы сбежать и пройти сквозь опасный пролив, Фейбл принимает помощь от молодого торговца по имени Уэст. Но конкурентов ее отца за это время стало еще больше и вскоре девушка понимает, что юноша не тот, кем кажется. Если она хочет остаться в живых, вместе с Уэстом ей предстоит преодолеть намного больше трудностей, чем просто коварные штормы.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-168030-5

© Янг Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Один	6
Два	10
Три	14
Четыре	18
Пять	21
Шесть	26
Семь	30
Восемь	36
Девять	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эдриенн Янг Фейбл

Adrienne Young

FABLE

Copyright © 2020 by Adrienne Young.

Jacket design by Kerri Resnick

Jacket photograph of girl by Svetlana Belyaeva; extra hair

© puhhha/Shutterstock.com; ship © Eva Bidiuk/Shutterstock.com

Back photograph: crashing waves © irabel8/Shutterstock.com

All rights reserved.

© Онищук А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Один

Этот мерзавец снова решил меня не ждать.

Между деревьями я могла видеть, как Кой и остальные бегут по пляжу, разбрасывая пятками песок. Ялик скользнул в воду, и я побежала быстрее, босыми ногами прокладывая себе путь через искривленные корни деревьев и вросшие в землю камни. Я выскочила из зарослей как раз вовремя, чтобы увидеть играющую на губах Коя ухмылку и натянувшийся парус.

– Кой! – выкрикнула я, но если он и расслышал мой голос сквозь шум волн, то не подал виду.

Я рванула вниз по склону, пока не добежала до пены, оставленной отступающей волной. Поставив одну ногу на мокрый песок, я оттолкнулась изо всех сил и прыгнула, полетев над волнами к корме. Ухватившись за край лодки одной рукой, я ударилась о борт. Мои ноги все еще были в воде, пока ялик набирал ход. Никто не предложил мне помощь, когда я подтянулась и перевалилась через борт, бормоча себе под нос проклятия.

– Неплохой прыжок, Фейбл, – Кой взялся за румпель¹, устремив взгляд к горизонту и направляя ялик к южному рифу. – Не думал, что ты поплывешь с нами.

Я собрала волосы в пучок на макушке, сверля Коя уничтожающим взглядом. Это был уже третий раз за неделю, когда он пытался оставить меня на берегу и не брать вместе с другими ныряльщиками на рифы. Если бы Спек не был пьян почти все время, я бы лучше платила ему за эти вылазки, а не Кою. Однако мне нужна была лодка, на которую можно рассчитывать.

Парус затрепетал у меня над головой, когда поднялся ветер, дернувший ялик вперед. Я отыскала место и села между двумя ныряльщиками, затянутыми в кожаную одежду.

Кой протянул ладонь в мою сторону.

– Гони медяк.

Я бросила взгляд поверх его головы на барьерные острова, где на сильном ветру кренились и покачивались мачты торговых судов. «Мэриголд» не было видно, однако она должна будет обязательно появиться в порту к восходу солнца. Вытащив монету из кошелька и стиснув зубы, я бросила ее в ладонь Коя. К настоящему моменту он заработал на мне уже столько медяков, что на эти деньги можно было бы купить практически половину его ялика.

Мы набрали скорость. По мере того как лодка отдалялась от берега, проносимая мимо вода постепенно превращалась из бледно-бирюзовой в темно-синюю. Я отклонилась назад, когда ялик накренился, и позволила своим пальцам скользнуть по поверхности морской глади.

Солнце стояло в зените, и у нас оставалось еще несколько часов до начала прилива. Этого времени было более чем достаточно, чтобы я успела наполнить свой кошелек пиролитом для продажи.

Я затянула ремень на поясе, проверяя каждый из своих инструментов: молоток, зубило, кирка, лопатка, окуляр.

Большинство ныряльщиков ушли с восточного рифа несколько месяцев назад, но моя интуиция подсказывала мне, что в этих водах спрятано еще немало пиролита. И я оказалась права. После нескольких недель ныряния в одиночку я обнаружила месторождение под изрытым вдоль и поперек шельфом. Благодаря найденному пиролиту мой кошелек существенно потяжелел.

Когда я поднялась на ноги, вокруг меня забушевал ветер и стал трепать пряди моих темно-каштановых волос, обрамляющих лицо. Я схватилась за мачту и перегнулась через борт, разглядывая воду, которая была под нами.

Рано.

¹ Румпель – часть рулевого механизма лодки в виде рычага.

– И когда ты собираешься рассказать нам, что же ты там нашла, Фейбл? – рука Коя сжала румпель, а его глаза встретились с моими. Они были такими же темными, как самые черные ночи на острове, когда из-за шторма невозможно было разглядеть ни луну, ни звезды на небе.

Остальные с мрачным любопытством молчаливо уставились на меня, ожидая моего ответа. От моего внимания не укрылось то, как все они стали более внимательно наблюдать за мной в порту. Я также слышала их перешептывания на пляже. После нескольких недель возвращения с пустыми руками ныряльщики становились беспокойными и подозрительными, и это никогда не сулило ничего хорошего. Вот только я не думала, что именно Кой будет тем, кто в конце концов спросит меня о моем «улове» напрямую.

Я пожала плечами.

– Морские ушки².

Он засмеялся, качая головой.

– Морские ушки, – эхом отозвался Кой. Он был моложе большинства ныряльщиков на Джевале, его опаленная кожа пока еще не покрылась морщинами и пигментными пятнами от постоянного пребывания на солнце. Тем не менее он уже успел заслужить свое законное место среди ныряльщиков тем, что наворовал достаточно денег, чтобы купить ялик и начать собственный бизнес по перевозкам.

– Именно, – кивнула я.

Из взгляда Коя исчез всякий намек на юмор, когда он снова посмотрел мне прямо в глаза. Я сжала челюсть, стараясь скрыть подрагивающий уголок губ. Минуло четыре года с того дня, как меня бросили на раскаленный пляж и оставили на произвол судьбы. Мне приходилось чистить корпуса судов в обмен на тухлую рыбу, чтобы не умереть от голода. Меня не раз избивали за то, что я промышляла на территории, которую облюбовали другие ныряльщики. На Джевале мне не единожды доводилось сталкиваться с разного рода жестокостью, но до сегодняшнего дня я старалась не обращать на себя внимание Коя. С ним шутки были так же плохи, как и с огнем.

Я встала на корму, позволяя губам растянуться в той же порочной улыбке, которой мне улыбнулся Кой на пляже. Он был тем еще прохвостом и негодяем, но я ему ничем не уступала. Мне нельзя было показывать ему свой страх, иначе я стану для него легкой добычей. Мне необходимо найти способ выжить на Джевале, и я лучше бы отдала руку на отсечение, чем позволила кому-то лишить меня шанса сбежать с острова. Не сейчас, когда я была так близка к свободе.

Я отпустила мачту, и лодка вылетела у меня из-под ног, после чего я тут же ушла под воду. Вокруг меня закружили блестящие пузырьки, когда я поплыла к поверхности, быстро работая ногами, чтобы согреться. Окраина восточного рифа соприкасалась с течением, отчего вода на этой стороне острова была холоднее. Это был один из тех факторов, по которому я определила, что там, внизу, находилось гораздо больше пиролита, чем было вырыто.

Натянутый парус изогнулся на фоне безоблачного неба, и ялик Коя умчал прочь. Когда он исчез за барьерными островами, я тут же резко развернулась и направилась в противоположном направлении к берегу.

Я плыла, погрузив лицо в воду, чтобы можно было рассматривать расстилающийся под мной риф. В розовых, оранжевых и зеленых кораллах отражался солнечный свет, как на страницах атласа, который некогда лежал раскрытым на столе моего отца. Моим опознавательным знаком был ярко-желтый морской веер³ со сломанной веткой.

Я вынырнула на поверхность, еще раз проверила свой пояс с инструментами, попутно делая медленный вдох и наполняя грудь воздухом, после чего сделала такой же медленный

² Морские ушки – один из видов моллюсков.

³ Морской веер – один из видов кораллов.

выдох, как меня этому учила мама. Мои легкие растянулись, затем постепенно начали сжиматься, и когда они опустели настолько, что я почувствовала знакомое давление под ребрами, я стала дышать чаще, вдыхая и выдыхая воздух рывками. Сделав последний полный вдох, я нырнула.

Уши заложило, пока я гребла к ярким оттенкам, сияющим на морском дне. Водная толща давила меня со всех сторон, и когда я чувствовала, что меня начинает выталкивать к поверхности, то просто позволяла своему телу расслабиться и погрузиться глубже. Стайка краснополосых рыбок пронеслась мимо, образовав вокруг меня пестрый рой. Во всех направлениях простиралась бескрайняя синева, когда мои ступни легко коснулись гребня зеленого коралла, тянущегося вверх, подобно скрюченным старушечьим пальцам. Ухватила за нависающий над кораллом каменный выступ, который рассекала трещина.

Я впервые обнаружила пиролит, когда прочесывала риф в поисках крабов, чтобы заплатить старику в порту за ремонт своего окуляра. Мягкая вибрация, исходящая от самоцвета, пробрала меня до костей, и после трех дней непрерывных поисков мне повезло. Я оттолкнулась от выступа и всплыла на поверхность, когда часть шельфа внезапно обвалилась, обнажая неровную полосу базальта, испещренную предательскими белыми пузырями, которые были мне хорошо знакомы. Они могли означать только одно: пиролит.

За последние три месяца с помощью этой заначки я заработала торговлей на «Мэриголд» больше монет, чем за последние два года на острове, вместе взятые. Еще несколько недель – и мне больше никогда не придется нырять на рифах.

Мои ноги опустились на выступ, и я прижала руку к скале, ощупывая каждый ее изгиб. Мягкая вибрация самоцвета затрепетала под моими пальцами, похожая на эхо удара металла о металл. Слушать самоцветы меня тоже научила мама. Глубоко в недрах «Жаворонка» она передавала их мне в руки по одному за раз и, пока команда спала в гамаках, подвешенных к переборке, шептала: «Ты слышишь его? Ты его чувствуешь?»

Я вытасила инструменты из-за пояса и вставила зубило в самую глубокую канавку, после чего ударила по нему молотком, постепенно разбивая поверхность камня. Судя по форме выступа, под ним находился приличный кусок пиролита. Может быть, он потянет на четыре медяка.

Надо мной засверкали блики солнечного света, отразившегося на серебряной чешуе рыб, которые приплыли покормиться. Я посмотрела вверх, щурясь от слепящего глаза мерцания. В темной дали по рифу дрейфовало тело утопленника. То были останки ныряльщика, который перешел кому-то дорогу или не вернул долг. Его ноги были прикованы цепью к огромному, покрытому ракушками камню. Бедолагу бросили на корм морским тварям, которые должны были содрать плоть с его костей. Это был не первый раз, когда я видела приведение смертного приговора в исполнение. И если я не буду осторожна, меня ждет такая же печальная участь.

Последний глоток воздуха обжег мне грудь, а руки и ноги похолодели, но я еще раз ударила по зубилу. Грубая белая корка треснула, и я улыбнулась, позволив нескольким пузырькам воздуха сорваться с моих губ, когда острый кусок скалы отвалился. Я протянула руку и прикоснулась к стеклянному красному самоцвету, который смотрел на меня, как налитый кровью глаз.

Когда темнота начала давить на края моего поля зрения, я оттолкнулась от скалы и устремилась к поверхности. Мои легкие отчаянно нуждались в воздухе. Рыбки разлетались от меня во все стороны, как радуга, распадающаяся на части, и вот я вынырнула из воды, жадно хватая ртом воздух. Облака над головой собирались в тонкие нити, но мое внимание привлекла темнеющая синева на горизонте. Утром я заметила в ветре тревожные нотки приближающегося шторма. Если непогода помешает «Мэриголд» добраться до барьерных островов к восходу солнца, мне придется держать пиролит при себе гораздо дольше, чем того требовала без-

опасность. У меня было не так уж много тайников, да и с каждым днем за мной наблюдало все больше и больше любопытных глаз.

Я перевернулась на спину, чтобы солнце согрело как можно больше участков моей кожи. Оно уже начало клониться к кривой скале, возвышающейся над Джевалом. Потребуется еще по меньшей мере шесть или семь погружений, чтобы добыть пиролит. Мне также необходимо было успеть доплыть до другого конца рифа к тому времени, как Кой вернется за мной.

Если он вообще вернется.

Еще три или четыре недели, и я накоплю достаточно медяков, чтобы обменять их на проезд через Узкий пролив, найти Сейнта и заставить его сдержать свое слово. Мне было всего четырнадцать, когда он бросил меня на печально известном острове воров, и с тех пор я каждый день пыталась заработать деньги, необходимые мне, чтобы отыскать его. По прошествии четырех лет я стала задаваться вопросом, узнает ли он меня вообще, когда я наконец появлюсь у него на пороге. Помнил ли он, что говорил мне, когда резал мою руку кончиком своего ножа из китового уса?

Однако мой отец был не из тех, кто страдает забывчивостью.

Впрочем, как и я.

Два

Существовало пять правил. Всего пять.

Я наизусть рассказывала их своему отцу с тех пор, как стала достаточно взрослой, чтобы взбираться на мачты вместе с матерью. В тусклом свете свечей в своей каюте на «Жаворонке» он наблюдал за мной, взяв в одну руку перо, а в другую рюмку с молодым ржаным виски, бутылка которого неизменно стояла на его столе.

1. Нож должен быть там, откуда его легко достать.

2. Никогда не оказывайся ни у кого в долгу.

3. За все нужно платить.

4. Ложь всегда должна быть основана на правде.

5. Никогда и ни при каких обстоятельствах не раскрывай, что для тебя важно и кто тебе дорог.

Я жила по правилам Сейнта каждый день с тех пор, как он бросил меня на Джевале, и эти правила помогали мне выживать. По крайней мере, он хотя бы немного позаботился обо мне, прежде чем уплыл, так ни разу и не оглянувшись.

Когда мы приблизились к пляжу, в небе пророкотал гром. Небо потемнело, и воздух наполнился шепотом шторма. Я изучала горизонт, наблюдая за формой волн. «Мэриголд» уже в пути, но если шторм будет сильным, к утру ее не окажется на барьерных островах. И если она не приплывет, то я не смогу заработать на торговле.

Черные глаза Коя были прикованы к сети с морскими ушками, которая лежала у меня на коленях. В одной из раковин был спрятан мой мешочек с пиролизом, добытым на рифе. Я уже не та глупая девчонка, какой была когда-то. Я быстро усвоила, что кошелек, привязанный к поясу вместе с инструментами, как у других ныряльщиков, в итоге будет рано или поздно срезан, и я никак не смогла бы этому помешать. Физически мне было не сравниться ни с кем из ныряльщиков, поэтому я прятала самоцветы и монеты внутри выпотрошенной рыбы или в моллюсках с тех самых пор, как у меня в последний раз отобрали мой улов.

Я провела кончиком пальца по шраму на своем запястье, повторяя его очертания, похожие на корни дерева, идущие вверх до сгиба локтя по внутренней стороне предплечья. Долгое время этот шрам был единственным, что помогало мне выживать на острове. На Джевале ничто не имеет такого веса, как суеверия, поэтому никто не хотел связываться с девчонкой, у которой была подобная метка. Всего через несколько дней после того как Сейнт бросил меня на острове, старик по имени Фрет пустил в порту слух, будто бы меня прокляли морские дьяволы.

Ялик замедлил ход, и я встала, после чего соскочила за борт вместе с сетью, перекинутой через плечо. Пока я шла по мелководью, я чувствовала на себе взгляд Коя и слышала его низкий хриплый шепот у себя за спиной. На Джевале каждый был сам за себя, но не тогда, когда заговор мог принести выгоду. И да, Кой был мастером, когда дело касалось плетения интриг.

Я шла вдоль кромки воды к скале, вглядываясь в нее в поисках тени своего возможного преследователя. На закате море стало фиолетовым, и когда солнце совсем скрылось из виду, на поверхности воды заколыхались последние неяркие блики уходящего дня.

Мои мозолистые пальцы нащупали знакомые расщелины в огромном черном валуне, и, подтягиваясь на руках, я стала карабкаться вверх, пока брызги морской воды, разбивающиеся с другой стороны о скалу, не ударили мне в лицо. Веревка, которую я закрепила на уступе, терялась в воде в самом низу.

Я достала расколотую раковину морского ушка из своей сети и спрятала ее под рубашку, прежде чем выпрямиться в полный рост и сделать глубокий вдох. Как только волна с грохотом разбилась о скалу, я прыгнула с уступа в море. С каждой минутой становилось все темнее, но я ухватилась за веревку и последовала за ней на глубину, в тень леса из морской капу-

сты, которая поднималась со дна моря широкими гофрированными лентами. Снизу ее листья были похожи на золотистый шатер, бросающий зеленую тень на толщу воды. Пока я плыла вниз, между водорослями петляла рыба, которую преследовали рифовые акулы, охотящиеся за своим ужином.

Бухта была одним из немногих мест, где мне разрешалось ловить рыбу, потому что бурные волны постоянно ломали тростниковые ловушки, используемые другими ныряльщиками. Однако плетеная корзина-ловушка, которую меня научил делать рулевой моего отца, могла выдержать натиск волн. Я намотала толстую веревку на кулак и потянула, но ловушка не поддалась, зажатая течением между камнями.

Мои ноги опустились на крышку корзины, и я стала пытаться сдвинуть один из камней, чтобы высвободить ловушку для рыбы, которая наполовину погрязла в густом иле. Когда она не сдвинулась с места, я поднырнула ниже и, ухватившись пальцами за плетеную крышку, стала тянуть ловушку к себе, пока она не треснула, после чего меня швырнуло спиной вперед, на плоскую каменную глыбу позади меня. Прежде чем я успела закрыть образовавшееся в ловушке отверстие, из него выскочил морской окунь. Я выругалась, глядя окуню вслед, и звук моего голоса тут же растворился в воде. Чтобы не дать улизнуть какой-нибудь еще рыбе из моего улова, я крепко обхватила ловушку одной рукой и прижала ее к груди вместе со сломанной крышкой.

Веревка вела меня обратно со дна моря, и я следовала по ней, пока не доплыла до заостренного выступа, который был скрыт в тени. Я воспользовалась своим зубилом, чтобы высвободить камень, который держался в скале при помощи водорослей. Камень упал мне в руку, открывая проделанное в скале углубление. В нише хранился сверкающий, как битое стекло, пиролит, который я старательно добывала последние две недели. Это был единственный из моих тайников на острове, который никому не удалось найти. Я уже несколько лет ставила свои ловушки для рыбы в этой маленькой бухте, и любой, кто видел, как я здесь ныряю, знал, что я всегда возвращаюсь с уловом. Однако если кто-то и догадывался, что я также храню где-то поблизости свои самоцветы, то найти их ни у кого пока что не получилось.

Когда мешочек у меня на поясе наполнился пиролитом, я вставила камень на место. Мышцы ног уже горели, уставшие от многочасового погружения, и я использовала последние силы, чтобы вынырнуть на поверхность. Волна накатила, когда я глотнула ночной воздух и изо всех сил начала плыть к уступу, прежде чем море смогло оттащить меня обратно.

Я подтянулась на одной руке и растянулась на песке, переводя дыхание. Звезды мерцали над головой, однако буря быстро надвигалась на Джевал. По запаху ветра я понимала, что это будет долгая ночь. Ветер будет терзать мою лачугу на скалах, но даже в спокойную ночь я все равно не смогла бы спать, когда я держала при себе пиролит или деньги. Мой лагерь неоднократно подвергался налетам, когда я спала, и сегодня я не могла позволить застать себя врасплох.

Сунула извивающуюся рыбу под рубашку и перекинула сломанную ловушку через плечо так, чтобы она висела у меня за спиной. Тьма опустилась на деревья, и я прокладывала свой путь при лунном свете, следуя по тропе, пока она не повернула к скале. Я решила держаться поближе к склону, когда тропинка стала крутой. Тропа резко обрывалась у гладкой поверхности скалы, и я полезла вверх, карабкаясь по выбоинам, которые сама проделала в камне. Как только я перекинула ногу через вершину, то подтянулась и оглянулась на тропинку.

Внизу никого не было, деревья плавно покачивались на ветру, по остывшему песку разливался лунный свет. Оставшуюся часть пути я преодолела бегом, пока тропа резко не оборвалась над пляжем, расположенным далеко внизу. Утес возвышался над барьерными островами, невидимыми в темноте, но я могла различить свет нескольких фонарей, раскачивающихся на мачтах кораблей, пришвартованных на ночь. Именно здесь я когда-то сидела каждое утро, ожидая возвращения корабля своего отца, хотя он и сказал мне, что не вернется.

Мне потребовалось два года, чтобы поверить его словам.

Я бросила ловушку рядом с ямкой для костра и отстегнула свой тяжелый пояс. Ветер усилился, когда я обхватила руками толстый ствол дерева, нависший над обрывом, и медленно вскарабкалась вверх. Земля ушла у меня из-под ног, и я посмотрела на берег, который раскинулся по меньшей мере в тридцати метрах внизу.

Ночные волны оставляли на песке белую пену. Большинство ныряльщиков были слишком грузными, чтобы лезть на тонкое деревце без риска обломать хрупкие ветки и полететь вниз на верную смерть. Я и сама пару раз чуть не распрощалась с жизнью, когда взбиралась вверх по стволу.

Когда я оказалась достаточно близко, то протянула руку в ложбинку на стыке двух узловатых сучьев. Мои пальцы нащупали кошелек, и я отвела руку назад, чтобы бросить его на землю позади себя, прежде чем спуститься обратно.

Я развела костер и насадила рыбу на палку, устроившись в удобном углублении в скалах, выходящем на тропу. Если бы кто-нибудь пришел сюда на разведку, я бы заметила неприятеля раньше, чем он меня. Мне просто нужно было как-то дотянуть до утра.

Монеты звякнули друг о друга, когда я встряхнула кошелек, высыпав медяки на мягкий песок. Деньги сияли в лунном свете, пока я вела счет своему заработку, раскладывая монеты аккуратными стопками перед собой.

Сорок два медяка. После того что мне пришлось бы потратить на ялик, нужно было еще восемнадцать монет, и тогда у меня было бы достаточно денег, чтобы заплатить Уэсту за проезд. Я также отложила немного денег про запас, чтобы меня накормили и приютили, пока я не разыщу Сейнта. Я опустилась на землю и легла на спину, свесив ноги с края утеса. Пока рыба потрескивала над костром, я рассматривала луну. Прямо надо мной висел идеальный молочно-белый полумесяц, и я вдыхала соленый воздух с нотками кипариса, который был свойственен только Джевалу.

В свою первую ночь на острове я спала на пляже, побоявшись подойти к деревьям, среди которых горели костры и были разбиты палатки. Я проснулась от того, что мужчина распахнул мою куртку и вывернул ее карманы в поисках денег. Когда он ничего не нашел, то бросил меня на холодный песок и испарился. У меня ушло несколько дней на то, чтобы понять, что каждый раз, когда я ловлю рыбу на мелководье, на пляже меня будет кто-то ждать с целью отобрать все, что я добыла своим трудом. Почти месяц я питалась одной морской капустой, но затем мне удалось найти безопасные места для добычи и приготовления пищи. Спустя почти год у меня наконец накопилось достаточно денег, заработанных на очистке уловов других людей и продаже пальмовой веревки, чтобы купить инструменты для добычи самоцветов у Фрета, который был слишком стар, чтобы продолжать нырять.

Волны сердито разбивались о берег внизу, подгоняемые штормовым ветром, и на мгновение я задумалась: не буду ли я скучать по всему этому? Было на Джевале что-то, что стало неотъемлемой частью меня?

Я села, глядя на окутанный ночью остров. Верхушки деревьев колыхались в темноте, подобно волнам. Если бы остров не стал моей тюрьмой, то я посчитала бы его прекрасным. Только вот мне здесь было не место.

Я могла бы сделать Джевал своим домом, могла бы стать одной из тех, кто наладил торговлю самоцветами на барьерных островах и разбогател. Однако если бы я стала признанной ныряльщицей Джевала, то перестала бы быть дочерью Сейнта. Хотя, наверное, я и так давно перестала ею быть.

Мне до сих пор вспоминался гул в недрах судна, скрип гамаков, запах отцовской трубки и стук сапог по палубе. Мне не было места ни на суше, ни в порту, ни в городах, которые раскинулись по ту сторону пролива. Того места, которое я считала своим домом, больше не существовало.

В километрах отсюда, там, где лунный свет касался черной воды на горизонте, под водами рифа Ловушка Бури лежал «Жаворонок». И куда бы я ни отправилась, никогда уже не смогу вернуться домой, потому что моим домом был корабль, который теперь покоился на морском дне. И вместе с ним там нашли последнее пристанище останки моей матери.

Три

Я стояла на утесе на восходе солнца, наблюдая, как «Мэриголд» покачивается на волнах. Она прибыла задолго до рассвета, несмотря на бушующий шторм, налетевший с Безымянного моря. Я не спала всю ночь, глядя в костер, пока дождь не погасил пламя. Все мое тело болело, изнывая от потребности поспать после трех дней непрерывного ныряния на рифах.

Однако Уэст не любил, когда его заставляли ждать.

Когда я добралась до пляжа, у кромки воды уже собралась куча ныряльщиков. У меня хватило ума заплатить Спеку за месяц вперед за место на его лодке. Сам он лежал на песке, заложив руки за голову и надвинув шляпу на лицо. Если у тебя была лодка на Джевале, то тебе не нужно было нырять или торговать, потому что твои услуги были необходимы каждому ныряльщику на острове. Иметь ялик – все равно что иметь котелок с медью, который никогда не пустел, и никто не заслуживал подобной удачи больше, чем Спек.

Когда он увидел, что я приближаюсь, то подскочил на ноги и широко улыбнулся мне гнилыми зубами.

– Доброе утречко, Фей!

Я кивнула, глядя на него, и бросила свою сумку в лодку, прежде чем перелезть через борт. Никто не потрудился освободить мне место, чтобы я могла сесть, поэтому встала на носу, обхватив одной рукой мачту, а другой крепко вцепившись в кошелек с пиролитом, который был спрятан у меня под рубашкой. Лодка Коя уже исчезала за барьерными островами, набитая таким количеством тел, что ноги пассажиров волочились по воде с обеих бортов.

– Фейбл, – Спек улыбнулся мне с немой мольбой, и я бросила на него испепеляющий взгляд, когда поняла, чего он ждал.

Я высвободила парус, позволив ему развернуться, пока Спек толкал лодку подальше от берега.

Ныряльщики просили меня о вещах, о которых они никогда не попросили бы друг друга. Я должна была выполнять их просьбы в качестве благодарности за то, что они не утопили меня на мелководье, когда я была тощим ребенком. Однако, по правде говоря, они никогда не делали мне никаких одолжений в обмен на мою помощь. Никогда не кормили меня, когда я просила у них объедки, не предлагали кров во время шторма. Каждый кусочек пищи или кусочек пиролита доставался мне огромным трудом. Тем не менее я должна была быть обязана всем местным за то, что все еще дышала.

Поднялся ветер, и лодка разрезала гладкую утреннюю воду, как горячий нож режет масло. Мне не понравилось, как спокойно выглядит море, как блестит поверхность воды, похожая на только что обожженное стекло. Было неприятно видеть спокойное море, когда я стала свидетелем того, каким кровожадным оно может быть.

– Ходят слухи, ты нашла новые залежи пиролита, Фей, – прохрипел Спек, передавая румпель одному из ныряльщиков и подходя ближе, чтобы встать рядом со мной у мачты.

От него пахло виски домашнего приготовления, и я повернула лицо по ветру, игнорируя его вопрос. Когда я почувствовала, что остальные смотрят на меня, мой кулак невольно сжался сильнее вокруг кошелька.

Рука Спекы поднялась в воздух между нами, и его ладонь раскрылась передо мной в примирительном жесте.

– Я ничего такого не имел в виду.

– Ну-ну, – проворчала я себе под нос.

Он наклонился немного ближе, понизив голос.

– Разговоры все же ходят, знаешь ли.

Наши глаза встретились, и я изучала мужчину, пытаюсь понять, что скрывается за этими словами.

– Какие еще разговоры?

Он оглянулся через плечо, и его серебряная коса волос выбилась из-под ворота рубашки.

– Разговоры о том, где ты прядешь свои денежки.

Нырлящик, сидевший справа от меня, зашевелился, и его ухо повернулось в нашу сторону, чтобы прислушаться к разговору.

– На твоём месте я бы не слушала всякие байки, Спек, – я позволила своим плечам расслабиться и откинулась назад, прислоняясь к мачте.

С нырлящиками нужно было вести себя так, как будто ты ничего не боишься, даже если тебе было страшно настолько, что приходилось сглатывать подступающую к горлу рвоту. Спек был безобидным, однако он едва ли не единственный на острове, кого я могла не опасаться.

Он быстро закивал.

– Конечно-конечно, знаю. Я просто подумал, тебе не помешало бы быть в курсе событий.

– Ты просто подумал, что получишь от меня еще один медяк сверху. Ты же к этому клонишь? – огрызнулась я.

Очередная улыбка появилась на его лице прежде, чем он опустил голову и пожал плечами.

– Ты и так задираешь для меня цену. Я не буду доплачивать тебе еще и за сплетни.

Я повернулась к нему спиной, давая понять, что разговор закончен. У меня было по крайней мере еще три недели до того, как я накоплю достаточно денег, чтобы обменять их на билет с этого острова. Однако если нырлящики действительно стали что-то подозревать, то у меня не получится протянуть так долго.

Спек замолчал, и теперь были слышны лишь звук разрезающей волны ялика и свист ветра. Когда мы обогнули край барьерных островов, в поле зрения возникли ребристые белые паруса «Мэриголд», которая встала на якорь за выступом самого дальнего утеса. Спек плавно замедлил ход ялика, и я заметила широкие плечи Уэста на другом конце порта. Он смотрел на воду, и его силуэт темнел в лучах восходящего солнца.

Я подняла одну руку вверх, растопырив пальцы против ветра, и как только Уэст увидел мой знак, он тут же затерялся в толпе.

Спек спустил парус, когда мы подошли к причалу, и прежде чем он успел меня попросить, я взяла свернутую веревку в руки и бросила ее к берегу. Петля зацепилась за тумбу в углу причала, и я прыгнула с палубы на борт, откинувшись назад и упершись пятками в край, чтобы пришвартовать лодку. Мокрая веревка закрипела, натягиваясь, и глухой стук лодки о причал, похожий на клацанье костей, заставил Фрета поднять глаза с того места, где он сидел на своем табурете.

Между его ног стоял плетенный из тростника ящик, наполненный редкими раковинами, которые он добывал на мелководье. Он давным-давно перестал нырять в силу возраста, но по-прежнему каждую неделю торговал на барьерных островах, продавая вещи, которые, казалось, никто другой никогда не смог бы найти. Он был первым, кто сказал, что меня прокляли морские дьяволы, и именно он продал мне свой пояс нырлящика, тем самым вынудив нарушить одно из правил моего отца. Потому что, пока я дышала и ходила под солнцем, я была обязана ему жизнью не один, а два раза.

– Фейбл, – он наградил меня легкой улыбкой, когда я поднялась на причал.

– Привет, Фрет, – проходя мимо, я коснулась его костлявого плеча, глядя поверх него туда, где вдалеке Уэст ждал меня возле «Мэриголд».

В бледном утреннем свете вдоль узкого деревянного настила собрались нырлящики, которые пытались сбить цену у торговцев, яростно сражаясь за каждую медную монету. Джевал славился своим пиролитом, скрытым в рифах, и хотя он не входил в число самых ценных

драгоценных камней, встречался он достаточно редко. Однако торговцы прибывали на остров не только за пиролитом. Джевал был единственным клочком земли между Узким проливом и Безымянным морем, и многие корабли останавливались в середине своего плавания, чтобы просто пополнить запасы.

Вверх и вниз по причалу джевалыцы носили корзины с куриными яйцами, охапки рыбы и пучки веревок, окликая матросов, которые наблюдали за всем происходящим с бортов своих кораблей.

Впереди послышались крики, пока я протискивалась сквозь плотную толпу мужчин, и я была вынуждена нырнуть в сторону, когда кто-то нанес удар. Завязалась потасовка, меня отшвырнуло к краю причала. Открытая бочка с листьями коровяка скатилась в воду, чуть не потянув меня за собой. Двое мужчин прыгнули вслед за ней, и я подождала, пока затеявшие драку ныряльщики разойдутся, после чего поспешила проскользнуть мимо них.

Словно почувствовав мое приближение, Уэст повернулся как раз в тот момент, когда я протиснулась сквозь толпу. Его волнистые, выгоревшие на солнце волосы были убраны за ухо, а руки скрещены на груди, когда он посмотрел на меня сверху вниз бледно-зелеными глазами.

– Ты опоздала, – он наблюдал, как я вытягиваю рубашку из-за пояса и достаю свой кошелек.

Я посмотрела за его спину на горизонт, где нижняя часть солнца уже воспарила над водой.

– На пару минут, – буркнула я.

Уэст шагнул вперед, когда я вытряхнула содержимое кошелька, и шесть выпуклых, покрытых белой коркой кусочков пиролита упали в мою раскрытую ладонь. Уэст снял с моего пояса окуляр и приложил его к глазу, после чего наклонился и аккуратно поднял самородки так, чтобы красные драгоценные камни можно было рассмотреть в лучах солнечного света. Пиролит не был очищен от внешней породы, но то были добротные куски. Гораздо лучше того, что могли предложить толпящиеся позади меня ныряльщики.

– Похоже, ты попал в шторм, – я посмотрела на свежую смолу, подсыхающую на корпусе «Мэриголд» в том месте, где на правом деревянном борту под перилами шла трещина.

Уэст не ответил, переворачивая кусочки, чтобы проверить их еще раз.

Однако борт был не единственной частью корабля, которая пострадала в бурю. Высоко на грот-мачте на канатах сидела девушка, поправлявшая кожаные ремни, которыми были схвачены паруса.

Когда я была ребенком, то часто лежала плашмя на главной палубе, наблюдая за своей матерью, которая проделывала то же самое на мачтах «Жаворонка». Темно-рыжая коса змеей спускалась вниз по ее спине, а загорелая кожа темнела на фоне накрахмаленного белого полотна. Я моргнула, чтобы прогнать воспоминание из своих мыслей прежде, чем в моей груди пробудится боль.

– В последнее время ты много продаешь, – Уэст зажал окуляр в ладони.

– Мне сопутствует удача, – я засунула большие пальцы за пояс и выжидающе уставилась на него.

Уэст потянулся, почесывая светлую щетину на подбородке, как он всегда делал, когда думал.

– Удача обычно приносит неприятности, – когда он наконец поднял взгляд на меня, его глаза прищурились. – Шесть медяков.

Он потянулся за кошельком на поясе.

– Шесть? – я приподняла бровь, глядя на него, и указала на самый большой кусок пиролита в его руке. – Этот один на три медяка потянет влегкую.

Его взгляд скользнул поверх моей головы к причалу, где позади меня толпились ныряльщики и торговцы.

– Я бы не стал брать с собой на остров больше шести медяков, – Уэст выудил монеты из своего кошелька. – Отдам тебе оставшуюся часть в следующий раз.

Я стиснула зубы и сжала кулаки. Уэст вел себя так, как будто делал мне одолжение, пытаясь заплатить мне лишь часть, и кровь закипела у меня в жилах от возмущения. В этом мире все устроено и работает не так.

– Я могу о себе позаботиться. Десять медяков, или ты можешь найти кого-нибудь другого, кто продаст тебе пиролит. – Я выхватила у него свой окуляр одной рукой, а вторую протянула к нему ладонью вверх в выжидающем жесте. Уэст должен был мне заплатить в любом случае, потому что он не покупал пиролит на Джевале ни у кого другого. Только у меня. За два года он не купил вообще ничего у других ныряльщиков.

Его челюсть задвигалась, когда его рука сомкнулась на камнях, а костяшки пальцев побелели. Он пробормотал что-то нечленораздельное, когда полез в карман своего жилета.

– Тебе не следует продавать так много за раз, – он понизил голос, когда отсчитал медяки.

Он был прав. Я знала это. Но еще опаснее было иметь на острове тайник и с пиролитом, и с деньгами. Монеты меньше, их легче спрятать, и я предпочла владеть чем-то одним, что имело ценность для остальных ныряльщиков.

– Я знаю, что делаю, – сказала я, стараясь говорить так, чтобы мои слова звучали уверенно.

– Если тебя не окажется здесь в следующий раз, то я буду знать почему, – Уэст подождал, пока я посмотрю на него снизу вверх. Долгие дни, проведенные на палубе корабля, окрасили его кожу в темно-оливковый цвет, делая его глаза похожими на жадеит, который моя мама заставляла меня полировать после ее погружений.

Уэст бросил монеты мне в ладонь, и я развернулась, запихнув их в кошелек прежде, чем спрятать его обратно под рубашку. Я протиснулась в толпу джевальцев, позволяя их вонючим телам окружить меня, и комок сжался у меня в горле.

Тяжесть медяков в кошельке заставляла меня чувствовать себя неудобно, а слова Уэста тяжелым грузом давили на меня. Может быть, он был прав. Может быть...

Я оглянулась назад, приподнимаясь на цыпочки, чтобы бросить взгляд поверх плеч ныряльщиков, которые разделяли меня и «Мэриголд».

Но Уэста уже не было видно.

Четыре

Кой ждал в лодке, когда я вышла на пляж. Ветер откидывал темные волосы с его лица, пока он смотрел на прибор. Впервые я увидела Коя, когда он плыл ко мне с берега, чтобы согнать меня с песчаной косы, на которой я ловила рыбу. С тех пор он не спускал с меня глаз.

– А где остальные? – спросила я, подбросив медяк в воздух и закинув свой пояс с инструментами в лодку.

Кой поймал монету и кинул ее в кошелек, свисающий с мачты.

– Все еще ведут торги.

Мы забрались в ялик, и он поплыл по мелководью, когда Кой отдал швартовы. Ветер тут же сильно натянул поднятый парус, заставив тем самым лодку накрениться, но затем она рванула вперед, прочь от берега. Я застегнула свой пояс, когда Кой оглянулся на меня через плечо и его взгляд упал на мои инструменты. Он не раз воровал у меня, хотя мне ни разу не удалось поймать его на этом. Несколько раз мне приходилось менять свои тайники, но, казалось, кто-то всегда их находил и разорял. Нырляльщики были грубыми и жесткими, но не глупыми. Во всяком случае, не Кой. И ему нужно было кормить больше ртов, чем многим другим на острове.

От Коя зависели его бабушка, младшие брат и сестра, и это делало его едва ли не самым опасным человеком на острове. Для Джевала, открытого моря и даже для Узкого пролива не было хуже проклятия, чем нести ответственность за чужую жизнь. Единственным, что гарантировало хотя бы некоторую безопасность, было одиночество. Это было первое, чему меня научил Сейнт.

На барьерных островах «Мэриголд» все еще стояла на якоре, белея на фоне очередного шторма, который темнел вдалеке. Этот шторм явно будет яростнее предыдущего, но судя по ветру и положению туч, он вряд ли сильно заденет нас. Тем не менее «Мэриголд» и другие корабли, скорее всего, останутся в бухте до утра, чтобы быть в безопасности.

– Зачем тебе так много денег, Фейбл? – спросил Кой, сматывая швартовы.

Я наблюдала, как веревка проскальзывает через его мозолистые руки.

– С чего ты решил, что у меня много денег?

Мои слова его развеселили, и он оскалился в улыбке.

– Я знаю, ты торгуешь пиролитом, который добываешь. Но я не могу понять, зачем тебе деньги. Купишь лодку? Наладишь торговлю?

– Я не промышляю пиролитом, – я пожалала плечами, накручивая прядь волос на палец. В солнечном свете мои волосы напоминали цветом потускневшую медь. – Не больше, чем обычно.

Кой ухмыльнулся, откинувшись на нос лодки так, чтобы его локоть свесился с нее.

– Знаешь, почему ты мне никогда не нравилась?

Я улыбнулась ему в ответ.

– Почему же?

– Дело не в том, что ты обманщица. Все на этом острове лгут. Проблема в том, Фейбл, что ты делаешь это мастерски.

– Ну, а вот ты мне всегда нравился, Кой.

Он засмеялся, приспуская парус, и лодка замедлила ход.

– Вот видишь, о чем я толкую? Я сейчас почти тебе поверил.

Я встала на борт лодки и, оттолкнувшись от него, погрузилась в холодную воду, позволяя морю вытолкнуть меня обратно на поверхность. Когда я вынырнула, ялик Коя уже шел к южному рифу, оставляя за собой след на воде. Кой не оглянулся, и я медленно поплыла в противоположном направлении, стараясь беречь силы. Мои мышцы и кости по-прежнему изны-

вали от холода и усталости, но отдых в ближайшее время не предвиделся. Не сейчас, когда внимание ныряльщиков было так сильно сосредоточено на мне.

Единственное, что было в моих силах, – так это заработать еще хотя бы немного денег и постараться как можно быстрее покинуть остров.

Я увидела желтый веер коралла под водой и затащила пояс, прежде чем начать разрабатывать легкие при помощи ритмичных вдохов и выдохов, которые знала назубок. Когда я почувствовала знакомую боль в ребрах, я нырнула, толкая себя ногами по морскому дну и распугивая рыбу, которая разлеталась от меня во все стороны, сверкая чешуей. Я не теряла времени даром и направилась напрямиком к разлому. Мягкая вибрация пиролита затанцевала на моей коже, и я вытащила инструменты из-за пояса, чтобы приняться за работу. Я била молотком так сильно, как только могла, проделывая новую борозду в скале. По большей части я откалывала базальт и кораллы, но примерно в полуметре меня поджидала гладкая поверхность пиролита. Это оказался небольшой кусок, и его было не так трудно достать. Поиск большего количества мог бы отнять у меня весь день. Я отвела руку с молотком и со всей силы ударила по зубилу, вгоняя его в риф. Под водой раздался звон, когда маленький кусочек самоцвета откололся от скалы.

Моя рука соскользнула, ударившись об острый край камня, и над головой что-то мелькнуло, погружая меня в тень. Я вздрогнула и выронила молоток. Мое сердце подпрыгнуло, и воздух пузырьками вырвался из моих легких от испуга. Я развернулась, вжимаясь спиной в выступающую скалу и сжимая зубило в холодной руке. Стая китовых акул плыла над рифом, петляя в лучах солнечного света, спускающегося с поверхности.

Я выпустила еще один поток пузырьков, теперь уже в облегченном смехе, и болезненное напряжение в моей груди немного ослабло. Однако у меня закончился воздух. Я оттолкнулась от скалы и встала между двумя акулами, протягивая руку, чтобы провести пальцами по их гладкой пятнистой коже. Их хвосты скользнули мимо меня, и я улыбнулась, после чего толкнула себя ногами в сторону мерцающих на поверхности бликов солнечного света.

Как только я вынырнула на поверхность, что-то вцепилось в мою руку и потащило обратно вглубь, прежде чем мне удалось вдохнуть. Я взвизгнула под водой, выпуская из легких остаток воздуха, когда попыталась развернуться.

В облаке кружащих рыб сверху на меня смотрело лицо Коя, его руки крепко держали меня за запястье. Я пнула его, попав ему в плечо пяткой, и его пальцы отцепились от меня. Я поплыла к поверхности, к свету, так быстро, как только могла, чувствуя, как тьма окутывает мой разум. Когда наконец вырвалась на воздух, я задыхалась, мои легкие сильно сжало в груди. Ялик Коя дрейфовал сразу за рифом, прямо за гребнем скалы, поэтому я не заметила его приближения, когда находилась под водой.

Кой не отставал от меня. Он появился на следующем вдохе, бросившись в мою сторону. Я попыталась отплыть подальше от него, но он схватил меня за волосы и притянул к себе.

– Где он? – проревел он, сжимая кулак. – Говори, где пиролит!

Я развернулась, резко отвела локоть назад и ударила Коя в лицо. Его пальцы отпустили мои волосы, и я поплыла к лодке. Он бросился в погоню, рассекая воду быстрее, чем могла это делать я. К тому времени как я добралась до корпуса ялика, он схватил меня за ногу. Я вцепилась в край кормы и потянула на себя лодку, пытаясь забраться внутрь. Кой дернул сильнее, рыча сквозь зубы, и я, соскользнув, ударила лицом так сильно, что перед глазами у меня поплыли белые круги света. Я снова нащупала пальцами край кормы, подтянулась и свесилась внутрь. Мои руки лихорадочно заматались в поисках весла. Когда я его нашла, тут же развернулась и ударила Коя лопастью по голове.

Он внезапно обмяк, падая обратно в воду, и я, кашляя, перевалилась через борт. Глаза Коя закатились, когда он погрузился в море. По его лбу потекла струйка крови, похожая на

красные чернила. Я неуклюже отвязала веревки, но, потянувшись к парусу, замерла, и у меня перехватило дыхание. Я видела, как Кой медленно идет на дно, погружаясь в синеву моря.

– Подонок, – простонала я, отбрасывая весло и ныряя обратно в воду.

Добравшись до Коя, я просунула руки ему под мышки и потащила вверх. Я с трудом справилась с весом его обмякшего тела и едва не перевернула лодку, когда пыталась перетащить его через борт. Кое-как справившись с верхней половиной тела, я перекинула следом его ноги, и Кой упал на дно ялика.

Каждая моя мышца горела от напряжения, последние силы покинули мое тело, и меня стошнило соленой водой, которой я наглоталась. Мое горло горело огнем. Когда я нависла над телом Коя, мои руки дрожали. Кровь по-прежнему сочилась из его раны, и я надеялась, что он не дышит. Я надеялась, что он мертв.

Но мне не могло так повезти.

Я от души пнула тело Коя и закричала, после чего рухнула на палубу рядом с ним, пытаясь отдышаться. Я сплюнула целый рот крови в воду и оглянулась на остров. Моя губа была рассечена, щека распухла, но я была жива. О большем я даже просить не могла.

Мне нужно было убраться как можно дальше от Коя. Мне следовало позволить ему сгинуть в море. Почему же я этого не сделала?

Ты не создана для этого мира, Фейбл.

Я выругалась, зажмурив глаза, когда слова Сейнта эхом отозвались в моей ноющей голове. Он говорил то же самое о моей матери.

Я схватила весло с того места, где оно плавало в воде, и встала. Ослабевшими руками подняла парус. Веревка в моих руках казалась неподъемной, когда потянула за нее. Когда ветер натянул парус, по моей щеке скатилась одинокая горячая слеза.

У меня не было трех недель. У меня не было даже трех дней. За кривой скалой у барьерных островов «Мэриголд» все еще стояла со сложенными парусами, готовясь пережить шторм.

Если мне удастся дожить до заката, то у меня будет шанс выбраться с Джевала. И я собиралась им воспользоваться.

Пять

По какой-то иронии судьбы пляж был почти пустынен, когда я подвела ялик к берегу. Возможно, Кой не лгал, когда сказал, что ныряльщики еще не закончили торги в порту. Или, может быть, они готовились к надвигающейся буре. В любом случае, по пляжу сновало всего несколько человек, которые видели, что я вернулась с рифа.

Я накинула спутанные сети на неподвижное тело Коя и схватила свой пояс с инструментами, перемахнула через борт и спрыгнула в воду. Первый вопрос, который задал бы любой, кто увидел меня, был следующий: что я делала в лодке Коя в одиночестве? За этим вопросом логично последовал бы второй: где сам Кой?

Я бросила весло внутрь и, переставляя одну ногу за другой, выбралась на берег и пошла своей привычной дорогой к бухте, где я оставляла свои ловушки для рыбы. Солнце начало клониться к закату, поднялся ветер. Экипаж «Мэриголд» должен будет готовиться к отплытию, как только минует шторм.

Ныряльщик с охапкой пустых корзин посмотрел на меня, когда я проходила мимо него. Я притронулась к рассеченной губе кончиком пальца. Не знаю, насколько плохо выглядело мое лицо, но спрятать раны вряд ли было возможно. Как только кто-то обнаружит Коя, он тут же сложит два и два вместе.

Я нашла тропинку и свернула на юг, направляясь к концу самой длинной полоски песка. Как только солнце скрылось за скалой, пляж погрузился в тень. Я шла по тропе к утесу, оглядываясь через каждые несколько шагов. Однако когда я обогнула скалы, то тут же замерла как вкопанная, резко втянув в себя воздух.

Мой лагерь был разграблен, и те немногие ценные или полезные вещи, которые у меня были, исчезли. Все остальные мои пожитки были сломаны и разбросаны по песку.

Кой действительно устроил против меня заговор. Он увез меня на пустой лодке, чтобы найти место, где я добывала пиролит, а в это время его подельники разграбили мой лагерь в поисках денег и самоцветов. Однако вряд ли Кой рассчитывал, что я вернусь на остров живой. И независимо от того, очнется он в своей лодке или нет, к тому времени как шторм обрушится на берег, кто-нибудь из его сообщников наверняка попытается всадить мне нож в живот.

Мои глаза скользнули к дереву, растущему на краю обрыва, и мое сердце замерло в груди.

– Пожалуйста, пожалуйста, только не это... – я бросилась к дереву и, прыгнув с края обрыва, ухватилась за самый толстый сук, после чего полезла вверх по стволу. Моя рука шарилась по коре, в отчаянии пытаюсь нащупать дупло. Мои пальцы сомкнулись на кошельке, и я облегченно вскрикнула. Я прижала кошелек к груди. Они его не нашли.

Я утерла глаза тыльной стороной ладони и содрогнулась, когда образ трупа, плавающего на рифе, возник у меня перед глазами. Если бы не поспешила, то меня точно так же привязали бы к кораллам, а холодная морская вода заполнила бы мои легкие.

Я спрыгнула на камни и оторвала от подола рубашки длинную полосу, которой примотала кошелек к своей ладони, зубами затянув узел покрепче. Если кто-то попытается отобрать у меня кошелек в этот раз, то ему придется вытаскивать его из моих окоченевших, мертвых пальцев.

Внизу лодки, полные ныряльщиков, направлялись к берегу с барьерных островов. Почти все их лица были обращены к горизонту, где черные тучи пожирали восходящую луну. Я осмотрела кромку воды в поисках ялика Коя, и когда увидела его, кровь в моих жилах превратилась в лед. Ялик был на берегу, его вытащили на песок рядом с тем местом, где я его оставила. Однако самого Коя уже нигде не было видно.

Мой взгляд метнулся к погружающейся во тьму тропинке. Мне нельзя было возвращаться тем же путем, если я не хотела наткнуться на тех, кто меня наверняка ищет.

Я развернулась против ветра и вместо того чтобы начать спускаться вниз, бегом направилась вверх по разбросанным камням, лежащим в лабиринте высохшего русла реки, петляющей между двух скал. Я держалась рукой за одну из них, мои босые ноги изо всех сил пытались найти устойчивую опору в полумраке. Теперь единственным путем обратно была крутая извилистая тропа, но в последний раз, когда я воспользовалась ею два года назад, я оступилась и сломала ногу. Я едва не умерла тогда от голода, не имея возможности добыть себе еду или дрова для костра первые две недели.

Однако прямо сейчас даже падение с обрыва звучало куда лучше, чем риск встречи с Коем. Боюсь даже представить, что он сделает, если найдет меня.

Я прикусила нижнюю губу, когда скалы расступились и я вместе с ветром оказалась в гроте. Я не колебалась, когда ступила одной ногой на узкую тропинку, идущую вдоль стены, и затаила дыхание.

С моря дул теплый ветер, который прижимал меня к скале, и я старалась смотреть только на свои ступни, вытягивая одну руку в сторону для баланса. Моя босая нога наступила на что-то острое, когда я медленно начала двигаться вперед, и я отпрянула, шипя от боли. Капля крови капнула на камень внизу, и я постаралась как можно быстрее оказаться поближе к земле. Я спрыгнула вниз с приличной высоты и кубарем покатила по песку, тяжело приземлившись на бок. Спотыкаясь, поднялась на ноги и захромала к пляжу.

Вдалеке на ночь была пришвартована вереница лодок. Я почувствовала резкий запах горелой рыбы и дыма от костра, который приносил с собой ветер из-за деревьев. Это означало, что большинство ныряльщиков были заняты приготовлением ужина. Все, кроме одного.

Спек лежал на спине, успев налакаться виски, купленным на вырученные за день деньги. Прибойная волна задевала его босые ноги. Рот Спек был открыт, и из его горла вырывался сиплый храп. Я легонько пнула его носком ноги и выждала некоторое время, но он лишь издал булькающий звук и перевернулся, уткнувшись лицом в песок.

– Прости, Спек, – прошептала я, перепрыгивая через него.

Однако мои извинения вряд ли можно было назвать искренними. За все четыре года, пока я изо всех сил старалась выжить, Спек успел спустить на виски столько денег, что их хватило бы мне на еду на всю жизнь. К тому же сейчас он был моим единственным способом выбраться с пляжа.

Я бесшумно ступила в воду и положила свой пояс ныряльщика в лодку, после чего забралась в нее и с бешено колотящимся сердцем подняла на борт маленький якорь.

– Фейбл! – проревел в сгущающейся тьме хриплый голос.

Моя голова резко повернулась к деревьям, и кровь прилила к моему лицу. Я втащила якорь на палубу и отвязала парус.

– Фейбл! – звук моего имени снова прорвался сквозь безмолвие, перекрывая шум волн.

Ялик медленно дрейфовал, когда я взялась за весла. Мне нужно было грести от берега, пока ветер не подхватит парус, но у меня не было на это времени. Оглянувшись на пляж, я увидела темную фигуру, которая появилась из-за деревьев.

Кой.

Как только его взгляд сфокусировался на мне, он тут же бросился вниз по склону, поднимая в воздух песок. Темная кровь стекала по его лицу и шее, растекаясь по обнаженной груди и вырисовывая что-то наподобие открытой ладони.

Я бросила весла в воду и со стоном начала ими работать. Полотнище паруса слабо заколыхалось на ветру. Мне не хватало скорости. Мое сердце забилося в беспорядочном ритме, когда лодка Коя была спущена на воду позади меня.

– Давай же! – закричала я, молясь, чтобы поднялся ветер. – Ну! Давай!

Парус натянулся, выгнувшись, когда ветер наполнил его, и палуба ушла у меня из-под ног, когда лодка рванула вперед. Я поползла обратно на корму и взялась за румпель. Позади

меня разворачивался ялик Коя. Барьерные острова были едва видны, но Джевал за моей спиной был освещен последними лучами огненно-янтарного заката.

И Кой догонял меня.

Я сгруппировалась, когда не дала ему утонуть. Я сгруппировалась даже раньше, когда села к нему в лодку абсолютно одна. То, что он смог подкрасться ко мне на рифе, было целиком и полностью моей виной. И теперь, если он поймает меня до того, как я доберусь до «Мэриголд», мне также некого будет винить, кроме себя.

*Ты не создана для этого мира, Фейбл. Хочешь доказать, что я ошибаюсь? Тогда выбе-
рись с этого острова.*

– Заткнись, – прохрипела я, и мои глаза обожгли слезы, когда лицо Сейнта всплыло передо мной, словно призрак. Если я выносила все испытания только ради того, чтобы сейчас умереть, то я бы тут же доказала, что он был прав. Сто раз прав.

Я не сбавила ход, когда лодка подплыла к порту. Встав на борт, я прыгнула в темную воду, скрестив руки на груди и прижимая к себе пояс с инструментами и кошелек. Когда вынырнула, лодка Спека врезалась в кнехт⁴, пока я плыла к лестнице, по причалу эхом разнесся треск плотной древесины. Я подтянулась и вскарабкалась вверх по лестнице, и как только мои ноги коснулись деревянных досок настила, я тут же бросилась бежать.

– Уэст! – я выкрикнула его имя в темноту, когда в поле зрения моего зрения возникла «Мэриголд».

Корабли бесшумно покачивались в бухте, а на их пустых палубах мерцали фонари. Позади меня по причалу стучали шаги Коя. Он бегал быстрее, чем я.

– Уэст!

На правом борту «Мэриголд» появилась фигура, которая взяла в руку фонарь. Свет выхватил из темноты лицо девушки – той самой, которую я видела на мачтах сегодня утром.

– Фейбл! – рычал Кой позади, и его голос был подобен грому.

Девушка безмолвно уставилась на меня, когда я резко остановилась рядом с кораблем.

– Пожалуйста! – крикнула я, указывая рукой в сторону свернутой веревочной лестницы.

Взгляд девушки метнулся за мою спину, к Кюю. Она замерла в нерешительности, прежде чем наконец потянула за веревки, и лестница развернулась, ударившись о корпус корабля. Я прыгнула и ухватилась за нее. Качнувшись над водой, я врезалась плечом в борт судна.

Кой заскользил по причалу и попытался схватить меня за ноги, но я лягнула его в ответ, после чего полезла вверх, цепляясь за канаты дрожащими руками, пока не перевалилась через боковые ограждения. Я рухнула на палубу, приземлившись на спину и хватая ртом воздух.

Девушка нависла надо мной, держа в руках болтающийся фонарь.

– Что ты делаешь, черт побери? – внезапно позади нее возник Уэст. Его лицо было едва видно в темноте. Он наклонился, схватил меня за руку и рывком поставил на ноги.

Я потянулась за ножом, открыв рот, чтобы заговорить, но в следующую секунду почувствовала холодное острие, которое уперлось в мягкую кожу под нижней челюстью. Девушка мгновенно оказалась рядом со мной, сжимая в кулаке украшенный драгоценными камнями кинжал.

Я выставила ладони вперед и замерла, когда на палубу позади Уэста вышли еще несколько человек. Его яростный взгляд был прикован ко мне.

– Фейбл! – внизу снова прогремел хриплый рев Коя, но Уэст не сдвинулся с места. Он все так же продолжал сверлить меня глазами.

– Сорок медяков за то, чтобы переправить меня через Узкий пролив, – я подняла между нами руку, к которой по-прежнему был привязан тяжелый кошелек.

⁴ Кнехт – тумба на палубе судна или на пристани для закрепления канатов.

Уэст напрягся, и в его глазах замелькало множество мыслей, но затем он снова схватил меня за руку и толкнул назад.

– Убирайся с моего корабля.

Я сильно прикусила нижнюю губу, чтобы не дать пролиться слезам, которые вновь подступили к глазам. Мне придется отдать ему все.

– Пятьдесят два медяка и два куска пиролита за проезд, – я с трудом перевела дыхание. – Пожалуйста.

– Мы торговцы. Мы не занимаемся перевозкой пассажиров, – сказал Уэст, и его руки сжались в кулаки по бокам.

Это была ложь, и мы оба это прекрасно понимали. Торговцы постоянно переправляли людей через пролив.

Взгляд Уэста упал на мою разбитую губу, и я с напряжением наблюдала, как ходят желваки на его лице. Я все еще ощущала засохшую кровь, которая стягивала кожу на моем лице.

– Во что ты вляпалась? – Уэст посмотрел вниз через ограждения на Коя, который расхаживал по причалу, поджидая меня.

Я медленно завела руку назад, доставая нож из-за пояса. Одним четким движением просунула лезвие между ладонью и кошельком, чтобы разрезать ткань, которой он был примотан к моей руке. После этого я пихнула кошелек Уэсту в грудь.

– Я никуда тебя не повезу, – его голос скрипел, как мокрый песок скрипит о камень.

С трудом слотнула, благодарная темноте. Я чувствовала, как у меня горит лицо, чувствовала предательские слезы, которые подступали к глазам.

– Ладно. В этом порту найдется хотя бы один шкипер, который возьмет пятьдесят два медяка, – я зажала лезвие ножа между зубами, перекинула одну ногу через борт и потянулась к веревочной лестнице.

Плечи Уэста напряглись, и он глубоко вздохнул, крепко вцепившись в ограждения.

– Подожди.

Я застыла, и предательская слеза скатилась по моей щеке. Уэст посмотрел поверх меня на другие корабли, стоявшие на якоре в бухте, после чего снова устремил свой взгляд к горизонту.

– Уэст, – окликнула его девушка, и в ее тоне прозвучало явное предостережение.

Когда он перевел на нее взгляд, на резкие линии его профиля упал лунный свет. Уэст выругался, протягивая открытую ладонь в мою сторону.

– Давай сюда деньги.

У меня отвисла челюсть.

– Что?

– Что? – эхом откликнулся мужской голос на палубе, но я не смогла рассмотреть, кому он принадлежал.

Уэст проигнорировал его.

– Деньги, – повторил он медленнее.

Я спрыгнула с бортового ограждения обратно на палубу.

– Пятьдесят два медяка и два куска пиролита за переправу до Сероса, – я повторила условия, не в силах скрыть отчаянной надежды в своем голосе.

– По рукам.

Я взяла ладонь Уэста в свою и пожала ее, но стоящая рядом со мной девушка продолжала смотреть на него, склонив голову в недоумении.

– Тебе лучше не возвращаться сюда, Фейбл! – крикнул Кой, и я вздрогнула, когда моя ладонь выскользнула из руки Уэста. – Если я когда-нибудь снова увижу твое лицо на этом острове, я привяжу тебя к восточному рифу! Буду смотреть, как твоя плоть гниет и сходит с костей!

Я наблюдала, как он идет обратно по причалу и исчезает в темноте. Лишь тогда, когда я повернулась лицом к стоящей на палубе команде «Мэриголд», я осознала, что произошло. Мне удалось сбежать с Джевала.

Шесть

Молния озарила облака над «Мэриголд», рассыпавшись паутиной света.

Край шторма достиг барьерных островов в темноте, и сильный ветер нагнал в бухту холодный туман. Корабль качнуло прямо на туман, и фонарь закачался в кулаке девушки, когда она подняла его перед собой.

– В последний раз, если я все правильно помню, вся команда принимала решение голосованием, – ее взгляд переместился с моего лица на мои босые ноги.

Уэст проигнорировал ее и подбросил мой кошелек в воздух. Молодой человек в очках, стоявший позади, поймал его обеими руками. Свет фонаря отразился от широких круглых линз, когда юноша посмотрел на меня.

– Я согласен с Уиллой, – мужчина с темными волосами, собранными в хвост, шагнул вперед. – Я не слышал, чтобы ты спрашивал нас, хотим ли мы взять пассажира.

Я осталась стоять в тени четвердека⁵, прижимая к груди пояс с инструментами. Четыре члена экипажа стояли рядом с грот-мачтой, ожидая от Уэста ответа. Однако он, казалось, тщательно взвешивал свои слова, поэтому молчание между нами затягивалось и становилось все более напряженным.

– Пятьдесят два медяка, – Уэст посмотрел на девушку, и она едва не рассмеялась.

– Ты серьезно? Какое нам дело до пятидесяти двух медяков? За последние два года мы ни разу не брали на этот корабль ни одного пассажира, и я не понимаю, зачем начинать сейчас.

Юноша в очках стоял и наблюдал за происходящим, переводя взгляд с Уэста на девушку. По виду его испачканных чернилами пальцев, обхвативших мой кошелек, я догадалась, что он был у них казначеем. Для него вряд ли имело значение, что Кой хотел выпотрошить меня, как рыбу, впрочем, как и то, что Уэст покупал у меня пиролит в течение двух лет. Его работа заключалась в том, чтобы команда не вмешивалась в дела других людей, хороших или плохих.

– В чем дело, Уэст? – по ступеням лестницы, расположенной рядом со мной, спустился мужчина с кожей цвета обсидиана. Он провел рукой по своей бритой голове и уставился на Уэста.

– В деньгах, – огрызнулся тот. – У кого-то из вас имеются возражения?

Девушка, которую они называли Уиллой, уставилась на Уэста, и ее большие внимательные глаза ничего не выражали.

– Да, у меня имеются.

Уэст повернулся к казначею, и по его напряженной челюсти было видно, насколько сильно он раздосадован.

– Раздели монеты поровну между членами команды, Хэмиш. Никаких отчетов не нужно. Залейтесь по горло виски, когда мы прибудем в Дерн, или купите себе новую пару сапог. Мне все равно, на что вы эти деньги спустите.

Его слова, казалось, успокоили команду на данный момент, и палуба погрузилась в тишину. Однако в косых взглядах, которые бросали друг на друга члены экипажа, все еще сквозило подозрение. Они не собирались оспаривать возможность прикарманить себе мою монету, особенно если в бухгалтерской книге об этом не будет написано ни слова. Однако им не нравилась мысль о том, что я буду вместе с ними на «Мэриголд», и им было плевать, что я думаю по этому поводу.

– Пятьдесят два медяка. Делим на пятерых, – пробормотал Хэмиш себе под нос, как будто повторение этих слов делало решение Уэста окончательным.

⁵ Квартерлек – помост либо палуба в кормовой части парусного корабля.

Я подняла взгляд на две мачты корабля. Я никогда не была на палубе и не видела на причале никого, кроме Уэста, когда «Мэриголд» бросал якорь на Дживале. Судя по всему, корабль управлялся всего пятью парами рук, однако такому судну нужно по меньшей мере десять, а то и двенадцать членов команды.

– На четверых, – поправил Уэст. – Моя доля мне не нужна.

Хэмиш коротко кивнул, и я впилась взглядом в Уэста, пытаюсь прочесть его мысли. Однако на его лице не было даже и намек на то, о чем он мог думать.

– Ты только что сказал, что мы берем ее из-за денег, – сказала Уилла, сверля его взглядом.

Уэст встретил ее прищуренный взгляд, после чего мотнул головой в мою сторону и развернулся. Его сапоги застучали по палубе, когда он прошел мимо членов своего экипажа и исчез в дверном проеме.

Уилла глубоко вздохнула, глядя в темную арку двери, после чего наконец оглянулась на меня. Я поморщилась, когда мягкий свет фонаря выхватил из темноты вторую половину ее лица. Левая щека девушки была изранена и порозовела, ее кожа заживала от сильного ожога, который тянулся по всей длине ее шеи, переходя на щеку и сужаясь кверху.

Я знала, что означает этот шрам. Подобные раны встречались мне раньше. Длинный нож грели над огнем, пока лезвие не становилось красным, после чего его прижимали к лицу человека, чтобы преподать ему урок. Это было наказание, предназначенное для того, чтобы унижать тебя еще долго после того, как боль стихнет. Какое бы преступление она ни совершила, ее заставили понести за него наказание.

Когда я посмотрела Уилле в глаза, поняла, что она заметила, как я изучаю ее увечья.

– Пойдем, – она опустила фонарь, чтобы снова спрятать свое лицо в темноту, и протиснулась мимо меня в арку дверного проема.

Я еще раз бросила взгляд на причал внизу. Кой вот-вот должен был доплыть до пляжа, а Спек вряд ли очнется до утра от своего затуманенного алкоголем сна. В любом случае, я никогда больше не увижу ни Спеку, ни Коя, ни этот остров.

По крайней мере, я на это надеялась.

Команда наблюдала за мной, когда я оттолкнулась от ограждений и последовала за Уиллой в узкий дверной проем. Я чувствовала тяжесть их взглядов на своей спине. Рукоять фонаря поскрипывала впереди, и я последовала за источником света вниз по деревянным ступенькам, погружаясь в тяжелый запах засоленной рыбы и перезрелых фруктов.

Герб «Мэриголд» был выжжен на трех дверях, которые располагались вдоль стены. Я подняла палец, когда проходила мимо, и провела им по контуру цветка календулы в окружении венка из веток и листьев. В центре цветка располагалась крошечная пятиконечная звезда.

Когда я была маленькой девочкой на торговом судне своего отца, я знала герб каждого торговца. Однако подобный герб мне не встречался до того момента, как два года назад на барьерных островах не появился «Мэриголд», готовый купить пиролит. Откуда бы ни взялся этот корабль, его экипаж наверняка был низкого ранга, поскольку только начал прокладывать свои торговые пути. Однако каким образом Уэсту удалось раздобыть корабль и получить лицензию от Торгового совета, мне было непонятно. На этот вопрос вряд ли можно было получить простой ответ.

Уилла толкнула незапертую дверь и повесила фонарь на ржавый крюк, вбитый в стену. Я нырнула внутрь маленькой каюты, в которой на низких балках висели лоскутные гамаки.

– Спать будешь здесь, – Уилла прислонилась к одной из стоек переборки и окинула меня взглядом, который внезапно замер в одной точке. Я посмотрела вниз и поняла, что девушка рассматривает часть моего шрама, которая выглядывала из-под рукава.

– До Сероса плыть несколько дней. И еще мы должны сделать остановку в Дерне.

Я кивнула, прижимаясь спиной к стене.

– Ты есть хочешь?

– Нет, – солгала я. За последние два дня я съела лишь одного окуня, но я не была глупой. Уилла пыталась сделать так, чтобы я оказалась им чем-то обязанной.

– Отлично, – она ухмыльнулась. – Потому что наш старпом закупил провизии ровно столько, чтобы хватило прокормить команду. Когда ты проголодаешься, то имей в виду, что еду придется отработать.

И вот он – крючок. Я знала, как все это работает, потому что выросла на корабле. Я знала, в какую игру мне придется играть, с тех пор, как впервые решила использовать «Мэриголд» в своем плане побега с Джевала. Однако я не предвидела того, что мне нечего будет предложить взамен. Мне придется молчать и делать все, что от меня потребуют, чтобы добраться до Сероса.

Однако то, как девушка смотрела на меня сейчас, заставило меня чувствовать себя неуверенно. Я уже и так была на плохом счету у команды, и если не придумаю, как это исправить, то окажусь за бортом еще до того, как мы пересечем Узкий пролив.

Я нырнула под переборку и обнаружила гамак, один край которого был закреплен, а второй касался влажного пола. Деревянные и железные рундуки, стоявшие вдоль стен, были аккуратно прикручены болтами к полу. Все они были заперты на замки, за исключением одного, на который медленно капала вода, прокачиваемая между деревянными планками потолка. Рундук был открыт, и в нем лежало маленькое ржавое зубило. Над рундуком на кривом гвозде за шнурки была подвешена пара ботинок. Вероятно, это были вещи, принадлежащие ныряльщику команды.

Уилла сняла со стены фонарь и направилась обратно в коридор. Ее кинжал, заткнутый на спине за пояс, блеснул драгоценными камнями. Девушка поднялась по ступеням и оставила меня в крошечной темноте. Звук шагов на палубе стих. Я закрепила свободный край гамака на железном крюке и забралась внутрь, всем своим весом погрузившись в плотную влажную ткань.

Шум волн по корпусу корабля был единственным звуком, раздававшимся в ночи, если не считать тихого гула голосов на палубе. Я вдохнула затхлый воздух, прислушиваясь к поскрипыванию дерева и плеску воды. Внезапно я снова стала маленькой девочкой, раскачивающейся в гамаке на «Жаворонке».

Я спала на корабле моего отца, когда услышала резкий звон колокола, эхом разносящийся в ночи. Всего через несколько минут за громким треском мачты и ревом разъяренного ветра последовали крики. Руки Сейнта нашли меня в темноте, его лицо смотрело на меня сверху вниз, освещенное тонким лучом лунного света, пробивающегося сквозь планки наверху.

Я вспоминала ту роковую ночь, когда затонул «Жаворонок». Ту ночь, когда погибла моя мать.

В одно мгновение все изменилось.

На следующий день Сейнт бросил меня на Джевале.

Я сунула руку в крошечный кармашек, который вшила в пояс брюк, и вытащила свои последние медяки. Но не отдала Уэсту все до последнего. Эти шесть монет были самыми первыми, которые я заработала своим трудом, и никогда их не тратила. Я берегла их на самый крайний случай. Сейчас они были всем, что у меня осталось. Однако шести медяков в городе хватит на еду и жилье на день, если не меньше. Если у нас будет остановка в Дерне, то у меня все же оставался шанс приумножить свой капитал до того, как мы доберемся до Сероса. В противном случае мне придется появиться на пороге Сейнта с пустыми руками, а ведь я поклялась себе, что никогда не допущу подобного.

В коридоре скрипнула половица, и моя рука метнулась к поясу, чтобы вытащить нож. Я напряженно вглядывалась в бесформенную, темную пустоту, ожидая еще какого-нибудь звука, и параллельно сунула медяки обратно в кармашек. Однако я не слышала ничего, кроме гула шторма, подбирающегося к Джевалу. Затем раздался стук захлопнувшейся двери, когда корабль накренился. Я прижала нож к груди, прислушиваясь.

Всего несколько дней.

Мне предстояло продержаться всего несколько дней, и я окажусь у двери своего отца, требуя от него выполнить свое обещание. Требуя отдать мне то, что он должен.

Я засунула руку под рукав рубашки и нащупала толстый шрам, вырезанный на предплечье. Мой палец следовал вверх по рубцу, как по лабиринту наполненных кровью жил, повторяя очертания рисунка, который я вряд ли смогу забыть. Этим шрамом отец наградил меня в тот день, когда бросил на Джевале. Я в ужасе наблюдала, как он вел кончиком ножа по моей плоти без всякого зазрения совести. Я говорила себе не раз, что в тот момент он был не в себе из-за того, что потерял маму, что его рассудок помутился от горя.

Однако я помнила расслабленное, спокойное выражение его лица, когда он резал мне руку, помнила то, как его голова склонилась набок, когда моя кровь бежала по его пальцам.

С тех самых пор я только и мечтала о том, как снова его увижу. Ни о чем другом я думать больше не могла.

И теперь, когда мечта вот-вот должна была осуществиться, мой желудок болезненно сжался, а сердце билось в рваном ритме. Человек, который научил меня вязать узлы и читать карты, был совсем не похож на человека, который засунул обратно за пояс кинжал, испачканный моей кровью, и уплыл прочь.

Совсем скоро я должна буду оказаться в Серосе. И я не знала, какого именно человека там найду.

Семь

Меня разбудил резкий звон шкива⁶, ударившегося о палубу. Я моргнула, протирая глаза, и постепенно в поле зрения появилась каюта. Гамак раскачивался из стороны в сторону, пустая бутылка покатила по деревянным доскам пола, и я села, выпутываясь из объятий потертой ткани.

Я прижалась плечом к стене и медленно пошла по коридору, щурясь от яркого полуденного солнечного света, который заливал ступеньки лестницы. Команда уже вовсю разбиралась со своими обязанностями, когда я вышла на палубу. Оглядевшись вокруг, я увидела море и почувствовала, как в горле образуется комок. Во всех направлениях простиралась одна лишь синева. Во всем мире, казалось, не существовало ничего, кроме четкой линии горизонта, ветра и плотного соленого воздуха.

Я перегнулась через бортовые ограждения, слушая, как корпус корабля рассекает воду знакомым шепотом. Улыбка тронула мои губы, и мое лицо обожгло болью. Я протянула руку, касаясь горячего, распухшего пореза на коже.

Почувствовав на себе взгляд чьих-то глаз, я невольно посмотрела вверх, туда, где высоко на фок-матче сидела Уилла с теслом в одной руке. Тонкое изогнутое лезвие орудия было вставлено в деревянную рукоятку под прямым углом, а его тупой конец использовался в качестве молотка. Подобный инструмент использовался обычно корабельным боцманом – членом экипажа, который следил за тем, чтобы судно оставалось на плаву.

– С дороги!

Я подпрыгнула, прижимаясь спиной к ограждению, после чего подняла взгляд и увидела молодого человека с бритой головой и гладкой обсидиановой кожей. Он возвышался надо мной, держа в руках какой-то футляр.

– С дороги, нырятьщица, – пробормотал он, протискиваясь мимо меня.

– Где мы по времени, Падж? – на боковой палубе появился Уэст и тут же застыл на ходу, когда увидел меня.

– Уже проверяю, – молодой человек, которого он назвал Паджем, поставил футляр на палубу. Солнечный свет отразился от лежащего внутри бронзового октанта⁷, когда Падж открыл крышку футляра. Плечи молодого человека впечатляли своим размахом, впрочем, как и его высокий рост. Рукава рубашки были слишком короткими для его длинных рук.

Я переводила взгляд с Паджа на Уэста, сбитая с толку, пока не поняла, что он, должно быть, является штурманом «Мэриголд». Однако Падж был слишком молод, чтобы занимать такую важную должность. Честно говоря, все члены команды были слишком молоды и годились разве что в матросы. Они были мальчишками, которые вот-вот должны были стать мужчинами.

Падж осторожно снял октант с бархатной подкладки, поднял окуляр и направил его на горизонт. Когда штурман вытянул руку вперед и отрегулировал прибор, вокруг запрыгали солнечные зайчики, созданные крошечными зеркалами внутри. Через мгновение Падж замер, производя в уме вычисления.

Уэст прислонился к дверному проему в ожидании. За его спиной я смогла рассмотреть угол письменного стола, два окна в рамах и аккуратно застеленную койку. Это была каюта шкипера.

Падж опустил октант и оглянулся на Уэста.

– Из-за шторма мы отстали всего на полдня. Мы сможем наверстать расстояние, если ветер не стихнет, а Уилла не спустит паруса.

⁶ Шкив – колесо, которое дает движение веревке.

⁷ Октант – инструмент для водной навигации.

– За паруса не нужно беспокоиться, – резко крикнула она, глядя на нас сверху вниз с того места, где она была подвешена на гике⁸.

Уэст резко кивнул Паджу, после чего исчез в своей каюте и закрыл за собой дверь.

– Проклятые птицы! – выругалась Уилла, закрывая голову руками, когда рядом с парусом завис альбатрос. Он успел взять в клюв один из ее скрученных в жгут локонов, и девушка тут же оттолкнула птицу от себя.

На верхушке грот-мачты человек с длинными темными волосами рассмеялся. Он сидел среди лееров с босыми ногами и держал в руках деревянную миску. Вокруг него собрались птицы, хлопая крыльями против ветра, чтобы дотянуться до еды, которая была в миске.

Этот человек привлекал удачу для корабля, чувствуя погибших, что утонули в этих водах. Мой отец всегда говорил, что морские птицы – это души сгинувших торговцев. Прогнать их, не дать им места для посадки или гнездования было плохой приметой. А для любого, кто осмеливался плыть по Узкому проливу, каждая капелька удачи была на вес золота.

Позади меня раздался грохот ударившихся о палубу подошв, и я обернулась как раз в тот момент, когда Уилла отвязывала страховочный трос от своей талии. Ее волосы были скручены, подобно веревке, в длинные бронзовые жгуты, которые ниспадали на плечи. При дневном свете кожа девушки была цвета красного песчаника, который осыпался со скал Джевала.

– Я Фейбл, – сказала я, протягивая ей руку.

Уилла лишь посмотрела на мою ладонь и закинула смотанный трос на плечо. Ожог на ее лице охватывал челюсть и заканчивался идеально ровной точкой на щеке.

– Ты думаешь, раз я единственная девушка на корабле, то захочу с тобой дружбу водить?

Я опустила руку.

– Все нет.

– Тогда прочь с дороги, – она произнесла эти слова с горькой улыбкой и дождалась, пока я отойду в сторону.

Я сделала шаг по направлению к грот-мачте, и Уилла, не оглядываясь, поднялась по ступенькам на кварталдек. И лишь в этот момент я наконец обратила внимание на корабль и смогла его хорошенько рассмотреть.

«Мэриголд» был лорчей⁹, достаточно маленьким, чтобы маневрировать в штормах, которые были свойственны этим водам. Однако при этом он имел довольно большой корпус, и поэтому на борт можно было погрузить приличное количество товара для транспортировки и продажи. Уникальные паруса делали корабль легко различимым в море. Они были похожи на листы белой бумаги, а деревянные поперечные ребра делали их форму немного похожей на крылья летучей мыши. Корабль Сейнта – «Жаворонок» – был намного больше, и его экипаж в пять раз превышал экипаж «Мэриголд». Однако запах мореного дерева и просмоленной пеньки был одинаковым на каждом корабле.

Если бы я закрыла глаза, то могла представить, что снова оказалась на «Жаворонке». Мать на мачтах. Сейнт у руля. Однако мое воспоминание было лишено своих некогда ярких цветов. Не то что мои воспоминания о Джевале.

Каждый день я наблюдала, как зеленый кривой хребет острова поднимается из воды и устремляется к небу, после чего спускается к скалам. Внизу среди деревьев скрывались лачуги ныряльщиков, и дым от множества костров змеился вверх белыми прядями. Я попыталась выкинуть воспоминания об острове из своей головы. Его кристально чистую, бирюзовую воду. Его ветер, который шелестел среди ветвей.

Я не хотела обо всем этом вспоминать.

– Время платить по счетам.

⁸ Гик – часть оснастки судна в виде горизонтальной палки, которая нужна для растягивания нижней части парусов.

⁹ Лорча – одномачтовое судно.

Я повернулась спиной против ветра. Молодой человек, который стоял прежде на вершине мачты, теперь внезапно оказался рядом со мной. Большая часть его густых волос выбилась из хвоста. Его серые глаза были обрамлены черными ресницами и ярко выделялись на фоне его кожи цвета слоновой кости. Он был одет во все серое и стоял передо мной, держа в руках скомканные сети и веревку, покрытую белой коркой сухой соли.

– По каким еще счетам? Я уже заплатила Уэсту.

– За проезд. За то, чтобы спать в гамаке, нужно платить отдельно, – он подмигнул мне. Его глубокий голос слегка повышал тон на окончаниях слов. Молодой человек явно пытался скрыть свой акцент, но я все равно его уловила. Он явно родился не в Узком проливе. – И Уэст сказал мне, чтобы я позаботился об этом.

Его рука поднялась, указывая на мое лицо.

– Чтобы ты и это записал на мой счет? – сказала я, посасывая распухшую губу между зубами. – Обойдусь.

– Пойдем, – он развернулся и начал идти, не дожидаясь моего ответа.

Я подстроилась под его шаг, стараясь не отставать, и заметила, как он опустил взгляд на мои босые ноги, ступающие по раскаленной палубе. Мои ступни были мозолистыми из-за долгих лет хождений по опаленному солнцем пляжу. Обувь была роскошью, которую я не могла себе позволить, но помимо этого в ней не было особой необходимости на Джевале. Мы прошли вверх по лестнице на кварталдек, и молодой человек бросил сети бесформенной кучей у моих ног.

– Думается, ты знаешь, как чинить сети, – он не стал дожидаться моего ответа и протянул мне белую костяную иглу. После этого он развернулся и отправился к сложенным в стопку краболовкам.

Правда заключалась в том, что я вообще понятия не имела, что делать с сетями. На острове я ловила рыбу только с помощью ловушек и лески, потому что никто из местных не хотел меня учить, как плести сети.

Молодой человек открыл краболовку и принялся за работу. Я не собиралась говорить ему, что никогда не пользовался иглой и что доверять мне сети, скорее всего, приведет к тому, что команда останется без улова. Вместо этого я села и стала делать вид, будто бы точно знаю, что делаю.

Найти прорехи было совсем не сложно. Истертые, растрепанные нитки торчали то тут, то там, окружая многочисленные дыры. Я положила иглу на палубу рядом с собой и стала рассматривать узлы, перевернув сетку так, чтобы изучить ее со всех сторон. После этого я начала срезать поврежденные участки.

– Ты старпом, – сказала я, не особо пытаясь сделать из своих слов вопрос. На «Жаворонке», где я росла, старпом был единственным членом команды, которому доверяли сети и краболовки. Он отвечал за то, чтобы все на борту были сыты. Если Уэст попросил этого человека зашить мне губу, то наверняка он также лечил раны и болезни у остальных.

– Меня зовут Остер, – старпом выбросил за борт обломок дерева. – Серос, значит?

Мои руки замерли на сети, однако Остер был занят своей работой и даже не смотрел в мою сторону.

– Именно, – ответила я и продолжила распутывать сетку.

– Надоело нырять на Джевале?

Я продела бечевку в иглу и потянула, чтобы закрепить ее.

– Еще бы.

Мой ответ, казалось, удовлетворил его. Он приподнял сломанную защелку краболовки и заменил ее новой, пока я сравнивала сети, чтобы попытаться понять, как были завязаны узлы. Мы работали в долгие послеполуденные часы, и мне потребовалось всего несколько попыток, чтобы выяснить, как плести сеть и как тянуть иглу слева направо, чтобы получались новые

ячейки. Я заметила, как Остер неоднократно бросал взгляд на мои руки, но ничего не говорил, делая вид, что не замечает, как я время от времени тянула нить не в ту сторону или пропускала петлю, и все приходилось переделывать заново.

Внизу снова появился Падж, который вместе с Уэстом взялся за штурвал. Я наблюдала, как они направили корабль на восток и переговаривались приглушенными голосами. Уэст смотрел на горизонт, и, проследив за его взглядом, я присмотрелась к небу.

– Я думала, мы направляемся в Дерн, – сказала я, посмотрев на Остера. Его глаза прищурились, внимательно глядя на меня, когда он оторвал взгляд от краболовки.

– На твоём месте я бы не задавал вопросов, на которые тебе не нужны ответы.

Уэст и Падж поговорили у руля еще несколько минут, наблюдая, как остальные члены команды лезут на мачты, чтобы развернуть паруса. Они меняли курс.

Я продолжила работать над сетями, пока не стемнело. Воздух стал прохладным, успокаивая мою горящую кожу. У меня болели спина и плечи, мои пальцы начали покрываться волдырями, но я закончила вязать линию узлов прежде, чем передала сеть Остеру.

Он внимательно осмотрел мою работу, затем коротко кивнул и спустился на главную палубу, где на носу вместе сидели Уилла и Падж и держали в руках миски с похлебкой. Ноги Уиллы свисали за борт, ее ботинки раскачивались по ветру. Мой желудок скрутило от запаха приготовленной рыбы.

Ночь опустилась на море, окрасив «Мэриголд» в черный цвет, если не считать парусов, которые по-прежнему белели на фоне темного, затянутого тучами неба. Звезды и луна скрылись, и было совсем непонятно, где кончается море и начинается небо, и мне это нравилось. Создавалось ощущение, будто мы парили в воздухе. Западный ветер был теплым. Он задувал на корабль, а затем несся назад, к следу на воде, остававшемуся позади нас.

Мои зубы сжались от голода, но я не могла позволить себе потратить ни медяка, а Уилла и Остер ясно дали мне понять, что за все здесь нужно будет платить.

Я проскользнула мимо них в темноте на ступенях, которые вели под палубу. Мягкий свет свечей просачивался сквозь щель в двери, расположенной справа от меня, и я увидела, как по полу скользнула тень, прежде чем тяжелая рука опустилась мне на плечо.

Я развернулась, одним движением выхватив нож, и сжала его в руке. Молодой человек в очках, которого я видела вчера вечером, смотрел на меня сверху вниз, лишь наполовину освещенный лунным светом.

– Ты Фейбл.

Моя хватка на ноже ослабла.

– Я Хэмиш, казначей «Мэриголд», – его обветрившиеся щеки выглядели так, как будто он совсем не привык долго находиться в плавании на ветру и солнце. – Как только ты дотронешься хоть пальцем до чего-нибудь, что тебе не принадлежит на этом корабле, я об этом сразу же узнаю.

Я вздернула подбородок. Большинство людей в Узком проливе были слеплены из одного и того же грубого теста, но даже у низших слоев общества были свои отбросы. Джевал был единственным клочком земли между Узким проливом и Безымянным морем и стал своего рода ловушкой для тех, кто не мог сбежать от своей репутации, и тех, у кого было слишком много врагов на материке, чтобы вести спокойную жизнь.

Среди торговцев джевальцы были известны как воры.

Я инстинктивно натянула пониже рукав рубашки, убедившись, что мой шрам был прикрыт. Торговцы были еще более суеверными, чем джевальцы, и последнее, что мне было сейчас нужно, – это то, чтобы члены команды начали гадать, не привлеку ли я к ним внимание морских дьяволов. С подобной репутацией первый же встречный станет поводом выбросить меня за борт.

Я могла ужиться с командой, которой была не по душе, но если они начнут меня бояться, вот тогда у меня будут настоящие проблемы.

Хэмиш протиснулся мимо меня к двери, и она распахнулась на скрипучих петлях.

Внутри Уэст склонился над столом с развернутыми картами. В его руке была зажата чашка с чем-то горячим. На одном из его пальцев блестело кольцо, отражая свет. Хэмиш вошел в маленькую каюту, направляясь к Уэсту со свернутым пергаментом и черным пером.

– Благодарю, – пробормотал Уэст и застыл, когда его взгляд переместился к двери и он заметил меня.

– Я...

Но слова так и не сошли у меня с языка. Мое сердце подскочило к горлу. Я даже не была уверена, что именно хотела сказать.

Уэст кивнул подбородком в сторону двери, и Хэмиш без единого слова проскользнул мимо меня и исчез в темном коридоре.

– Чего тебе? – Уэст поставил чашку на карту, повертел кольцо на пальце и встал перед столом. От моего внимания не укрылось то, как он заслонил собой карты таким образом, чтобы я не смогла их рассмотреть.

– Я хотела поблагодарить тебя, – я расправила плечи.

– За что?

Я вскинула бровь.

– За то, что взял меня на борт.

– Ты заплатила за проезд, – заметил он сухо.

– Я... я знаю, – заикнулась я, – но также понимаю, что ты не хотел...

– Слушай, – оборвал он меня. – Ты мне ничего не должна. И я также хочу внести определенную ясность, – он долго смотрел мне в глаза, прежде чем договорить: – Я тебе тоже ничего не должен.

– Я не имела в виду...

– Ты поставила меня в неудобное положение, когда вчера вечером появилась в порту. Незавидное положение, знаешь ли, – его ровный голос стал жестче.

Я прекрасно понимала, о чем он говорил. Его команда не одобрила его решение взять меня в качестве пассажира. И теперь Уэсту придется как-то решать данную проблему.

– Прости.

– Мне не нужны твои извинения. Мне нужно, чтобы тебя не было на моем корабле. Как только мы доберемся до Сероса, я хочу, чтобы ты исчезла.

За все время, что я вела дела с Уэстом, он никогда не говорил так много. Он всегда был холоден, его слова были резкими, а поведение нетерпеливым. Его взгляд обычно блуждал по порту, никогда не останавливаясь на мне, но сейчас Уэст смотрел прямо на меня. Его глаза встретились с моими на мгновение, после чего он опустил взгляд в пол.

– Я не знала, что это будет тебе чего-то стоить, – сказала я, и мой голос прозвучал мягче, чем я того желала.

– Уже стоило. И еще потом будет стоить, – он вздохнул, проведя рукой по лицу. – Пока ты на борту, ты не должна быть обузой. Если кто-то попросит тебя что-то сделать, ты сделаешь все без лишних вопросов.

Я кивнула, прикусив внутреннюю сторону щеки, гадая, стоит ли мне задать ему вопрос или нет.

– Почему мы направляемся на север?

– Если ты хочешь, чтобы я согласовал с тобой наш маршрут, то это будет стоить еще пятьдесят медяков, – он шагнул мне навстречу, сокращая расстояние между нами. – Когда мы зайдем в порт Сероса и ты спустишься на причал, я не хочу тебя больше видеть.

Я открыла рот, чтобы ответить, но Уэст уже закрывал дверь у меня перед носом. Задвижка с грохотом встала на место.

Его слова задели меня, и я не совсем понимала почему. Уэст покупал у меня пиролит в течение двух последних лет, но мы с ним не были друзьями. Он был прав: он мне ничего не должен. Однако, когда я бежала по причалу, выкрикивая его имя, он спас мне жизнь. И я почему-то была уверена в том, что он не смог поступить иначе.

Что-то побудило Уэста взять деньги и пойти против его команды. Что-то заставило его изменить свое первоначальное решение. Что ж, мне было все равно, каковы его мотивы. Уэст не хотел, чтобы я находилась на «Мэриголд», но факт оставался фактом: я наконец-то была на пути в Серос. И это единственное, что имеет значение.

Восемь

Костяшки моих пальцев кровоточили, когда я сматывала тяжелые веревки в аккуратные мотки у подножия фок-мачты. Я начала работать еще до рассвета, помогая Паджу, который менял ванты. И фок-мачта, и грот-мачта пострадали во время шторма по пути в Джевал, и ослабленные тросы могли бы не выдержать еще одной бури. А она наверняка будет.

Мы по-прежнему плыли на север, почти на полдня отклонившись от курса на Дерн. Минуло уже несколько лет с тех пор, как я последний раз была на борту, но я все еще помнила, как ориентироваться по звездам. Полночи я провела на палубе, составляя карту в своей голове. Из Джевала можно было плыть только в двух направлениях: на север, в Узкий пролив, или на юг, к Безымянному морю.

Я никогда не была в Безымянном море, хотя моя мать выросла на его берегу. Ее обветренная кожа и мозолистые руки будто говорили, что она родилась на корабле, но в действительности она впервые пересекла Узкий пролив только тогда, когда ей было не меньше чем мне сейчас. Она получила место в команде Сейнта, став ныряльщицей, и оставила свое прошлое на берегу Безымянного моря позади. Когда мы сидели на мачте, свесив ноги, она обнимала меня и рассказывала о Бастиане – портовом городе, который она называла своим домом, и об огромных кораблях, которые бороздили глубокие воды. Однажды я спросила ее, вернется ли она когда-нибудь в те края и возьмет ли она меня с собой. На это мама сказала лишь, что была рождена для другой жизни, как и я.

Моя босая нога скользнула по мокрой палубе, когда «Мэриголд» замедлил ход, и, подняв глаза, я увидела: Хэмиш, Уилла и Остер поднимают паруса. Падж, в отличие меня, не оторвался от своей работы и бросил на палубу очередную охапку спутанных веревок. Они упали у моих ног как раз в тот момент, когда дверь в каюту шкипера открылась и Уэст вышел на боковую палубу. Он застегнул китель под самое горло и поправил фуражку на голове, когда поднимался по ступенькам на квартердек. Судя по его виду, мы как будто должны были вот-вот причалить в порт. Однако мы находились у черта на куличках, теснясь к краю вод, которые прилегали к Безымянному морю. Хэмиш следовал за Уэстом по пятам, и, словно почувствовав мой пристальный взгляд, он оглянулся на меня через плечо, предупреждая сузив глаза.

Я снова опустила взгляд на веревки, краем глаза наблюдая, как Остер опускал якорь и ослаблял леера, натянутые параллельно бортовым ограждениям. Уилла и Хэмиш закрепили шкивы на гребной лодке, закрепленной в задней части корабля. Когда лодка была спущена на воду, Уэст сел в нее.

Я опустила очередной свернутый моток веревки и перегнулась через правый борт, чтобы посмотреть вперед корабля. Вдалеке на чистой голубой воде виднелась группа небольших коралловых островов, похожих на груды сложенных камней. Внизу Уэст развернул лодку, откинулся назад, налегая на весла, и поплыл прочь.

Однако маленькие островки были пустынными и голыми, сияя выбеленными солнцем кораллами. Я наблюдала, как Уэст исчезает за ними. Он сел в лодку ни с чем, и, судя по всему, за погибшими кораллами тоже ничего не было.

– Глаза на палубу, ныряльщица, – пробормотал Падж, бросая мне еще больше веревок.

Я послушалась, подняла веревки и потащила их к фок-мачте, но Падж не сводил с меня глаз. Он скрестил руки на груди, и рубашка натянулась на его широких плечах. Старпом внимательно наблюдал, как я осторожно сматываю веревку и завязываю ее конец узлом.

– Мы тут поспорили, знаешь ли.

Выпрямившись, я встряхнула руками, разминая пальцы, сжимая и разжимая их. Натруженная кожа горела огнем в тех местах, где она натягивалась на кость.

– На что?

– На то, сколько времени тебе понадобится, чтобы что-то украсть, – он ухмыльнулся.

В этот момент я поняла, что у Паджа тоже есть акцент, который слегка искажает его слова. Однако он гораздо лучше умел его маскировать, чем Остер.

Уилла смотрела на нас с квартердека, с того места, где она застопорила шпиль. Позади нее стоял Хэмиш.

– Я не воровка, – сказала я. – Хочешь проверить мой пояс? Пожалуйста.

– Ты же не настолько глупа, чтобы хранить сворованное добро при себе, разве нет? Ныряльщики любят поживиться чужим, но они не глупые, – произнес Остер у меня за спиной, и я развернулась, прижимаясь к мачте.

Все четверо членов команды уставились на меня, когда на корабле воцарилась тишина, которую нарушал лишь звук ветра, скользящего по парусам над нами. Они меня провоцировали, пытаясь нащупать слабые места и понять, из какого теста я была слеплена. И в этом я не могла их винить. У команды не было причин доверять мне, да и их шкипер взял меня на борт, не советуясь ни с кем из них.

– Мне все равно, что у вас в трюме и что написано в ваших бухгалтерских книгах. Мне просто нужно пересечь Узкий пролив, – сказала я.

– Ты лжешь, – Падж сделал шаг вперед, и в этот момент я осознала, что он выше меня на целую голову. – Не то чтобы ты можешь что-то поделаться со своей природой. Воровство у джевальцев в крови.

– Я не родилась на Джевале, – сказала я. – И я не воровка.

– Последний человек, который нас обокрал, пошел на корм рыбам, – Остер выбросил последнюю крабовую за борт, и она плюхнулась в воду. Его длинные волосы цвета воронова крыла были распущены и ниспадали на плечи. Он собрал их в хвост, перехватил ниткой и спустился по ступенькам на палубу.

– Слушай, я сыграю на опережение и дам тебе немного денег до того, как ты их украдешь, – Падж полез в карман своего жилета и вытащил медяк.

Уилла прислонилась к фок-мачте, наблюдая за происходящим.

Падж держал медяк между нами, зажав его между двумя пальцами.

– Ты ведь этого хочешь, разве нет?

Я стиснула зубы, пытаясь прочесть его мысли. К чему бы он ни клонил, это было что-то нехорошее. Без шкипера на корабле эта команда позволяла себе вольности.

Падж щлкнул пальцами, и монета взлетела в воздух, описала дугу через борт и упала в воду.

– На какой мы глубине, Остер? – Падж не смотрел на него, когда задавал вопрос. Его самодовольный взгляд по-прежнему был прикован ко мне.

Лицо Остера засияло радостью, когда он сообщил:

– Я бы сказал, что где-то сто сорок метров. Может быть, пятьсот.

Очки Хэмиша съехали на переносицу, когда он поднял руку, чтобы пригладить зачесанные на лоб волосы песочного цвета.

– Судя по всему, я был не прав, Падж. Похоже, есть некоторые вещи, на которые ныряльщики не пойдут ради монеты.

Уилла по-прежнему молча стояла позади них. Выражение ее глаз отличалось от других. В них было скорее любопытство, нежели подозрительность. Как будто прочитав мои мысли, она склонила голову набок.

Команда пыталась поставить меня на место. Пыталась унижить меня. Торговцы всегда устраивали проверки. Их хлебом не корми, дай кого-нибудь оценить.

Я встретила взглядом с Паджем, стянула рубашку через голову и бросила ее на палубу.

– Что ты делаешь? – он нахмурился, глядя, как я взбираюсь на бортовые ограждения.

Я встала против ветра, наблюдая за движением воды вокруг коралловых островов. Волны мягко накатывали на шельф, и если под поверхностью было так же спокойно, как и наверху, я смогла бы доплыть до дна всего за несколько минут. Мне доводилось погружаться гораздо глубже, и не раз.

Хэмиш перегнулся через правый борт, когда я прыгнула вниз, рассекая воздух, прежде чем войти в холодную воду, поднимая вокруг облако пузырьков. Когда я вынырнула на поверхность, все четверо членов команды смотрели вниз. Глаза Паджа были круглыми от удивления.

Моя грудь наполнилась теплым воздухом, и я с долгим шипением выдыхала его снова и снова, пока мои легкие не стали достаточно податливыми, чтобы удержать необходимое мне количество воздуха. Я откинула голову назад, сделав еще один вдох, прежде чем нырнуть, толкая себя ногами к морскому дну.

Пепельно-белый коралл над водой был лишь мертвой частью того, который располагался внизу, где крутые стены яркого рифа были полны жизни. Пузырчатые кораллы, колючие губки и ежи покрывали каждый сантиметр. Повсюду плыли косяки разноцветных рыб. Осьминог размеренно полз вверх по мелководью, и я наблюдала за ним, пока погружалась.

Меня перестало тянуть обратно к поверхности, как только я погрузилась на приличную глубину, и я позволила себе идти ко дну, обхватив себя руками. Я опускалась все ниже и ниже, окутанная лучами солнечного света, пробивающимися сквозь воду.

«Мэриголд» уменьшился до темного пятна, которое было где-то высоко надо мной, и я принялась просматривать ил в поисках отблеска меди, выписывая круги по мере приближения ко дну. Они бросили мне вызов, предложив отправиться на поиски монеты на морском дне. Это было высокомерной уловкой, предназначенной для того, чтобы унижить меня. Однако эти мерзкие торговцы совсем меня не знали и понятия не имели, на что я была способна.

Медь была минералом, а не драгоценным камнем, но и у нее был язык, как и у всего остального. Я замерла, пытаясь услышать характерный звон. Я прислушивалась к звукам рифа, пока слабый резонирующий звук не заставил меня обернуться. На периферии поля моего зрения мелькнула вспышка. Я моргнула, развернулась и заметила блик, который создавали лучи солнца. Странно, что монета упала так далеко от корабля в этих чистых, спокойных водах. По идее медяк должен был упасть на дно под небольшим углом.

Я обернулась вокруг собственной оси, изучая ветви кораллов, мягко покачивающиеся взад и вперед. И затем до меня дошло, в чем было дело, и от этой мысли у меня внутри все оборвалось как раз в тот самый момент, когда моих ног коснулось оно.

Течение.

Однако было уже слишком поздно. Движение воды подхватило меня, потянуло и сбilo с ног, швырнув на морское дно, как корабельный буксир. Я брыкалась, пытаясь вырваться из его хватки, но оно лишь тащило меня быстрее. Кораллы пронеслись мимо, часть воздуха вырвалась из моего рта, когда я закричала. Я цеплялась за дно руками, поднимая за собой дорожку пыли.

«Мэриголд» удалялся от меня все стремительнее, и я изогнулась в поисках чего-нибудь, за что можно было ухватиться до того, как течение швырнет меня на риф.

Пока я кувырком летела через гребни рифа, кораллы поцарапали мне спину и плечо, прежде чем я нашла точку опоры. Холодная вода пронеслась мимо, откидывая волосы с моего лица, и я потянула себя руками вверх. Мои мышцы ныли от прикладываемых усилий, слабость в конечностях нарастала, пока мои руки не задрожали от перенапряжения. Ко всему прочему моя разодранная кожа уже начала гореть, когда коралловый яд проник в кровь.

Я подтянулась вдоль стены рифа, пока не оказалась вне течения, и вцепилась в шельф, пытаясь заставить свое сердце сбавить темп до того, как оно израсходует весь кислород из легких. Подводное течение отнесло меня, по меньшей мере, метров на тридцать от корабля, и мне нужно было как можно быстрее всплыть на поверхность.

Я отплыла подальше от течения, но мягкое мерцание монеты на морском дне заставило меня остановиться. Мои пальцы вцепились в острый камень. Я подняла глаза к «Мэриголд» наверху, выругалась, выпуская очередной пузырек воздуха, который устремился к поверхности. Я не собиралась возвращаться ни с чем.

Я поползла обратно вниз, держась за риф, пока не попала обратно в течение. Я медленно продвинулась к тому месту, где заметила блеск меди. Течение тянуло меня прочь, когда я погрузила ладонь в песок и вынула ее обратно. Поток воды помог мне избавиться от песчинок, и в моей руке по центру осталась лежать лишь одна монета.

Лестница была уже развернута и спущена, когда я вынырнула на поверхность. Я задыхалась, моя грудь болела от ощущения, будто бы мои кости пытаются сжаться в одну кучу. Подтянувшись по веревочным перекладинам, я перепрыгнула через бортовые ограждения на палубу, где все так же стояла команда.

Когда мои ноги коснулись досок, по лицу Остера расплылась улыбка. Я направилась напрямик к Паджу. Кровь стекала по моей мокрой коже из порезов на плече и капала на палубу позади меня. Хэмиш что-то пробормотал, качая головой.

– Я думал, мы потеряли тебя, ныряльщица, – Падж ухмыльнулся с того места, где стоял за штурвалом, но за его внешним спокойствием скрывалось напряжение. Я не знала, что сделал бы Уэст, если бы узнал, что они тут устроили, но я видела, что Падж активно над этим размышлял.

Я остановилась перед рулем и разжала вытянутую руку. Рот Паджа открылся прежде, чем он опустил сложенные до этого на груди руки и выпрямился.

– Что за...

Я развернула ладонь ребром, позволяя монете со звоном упасть на палубу, и без слов уставилась Паджу в глаза. Позади него взгляд Уиллы превратился из любопытства в удивление, в ее глазах читался немой вопрос. Я развернулась, прошла мимо Паджа к ступенькам, которые вели под палубу. До моих ушей донеслись приглушенные голоса, когда я захлопнула за собой дверь каюты.

Боль в моей спине внезапно проснулась, яд в крови заставил мой желудок сжаться. Я доковыляла до ведра в углу, рухнула на колени, содрогаясь от озноба, прежде чем меня вырвало.

Четыре года на Джевале и так близко к Серосу, а я едва не утонула во время погружения ради одного медяка. Однако я следовала одному из правил Сейнта.

За все нужно платить.

Он говорил не только о еде, проезде или одежде. Он говорил об уважении. Безопасности. защите. Это были те вещи, которые невозможно получить просто так.

Так или иначе, за них тебе приходилось платить.

Девять

Жгучая боль под кожей почти заставила меня забыть о том, насколько я голодна.

С коралловыми ожогами я имела дело неоднократно, поэтому знала, что меня ждет. В скором времени меня одолеет лихорадка, а кости будут болеть в течение нескольких дней, но это было лучше, чем терпеть новые насмешки от команды «Мэриголд». Если бы позволила сделать себя легкой мишенью, то эти насмешки в скором времени превратились бы во что-то гораздо более опасное.

Я расколола панцирь очередного краба на столе, и мой желудок скрутило в приступе тошноты. Когда Остер вытащил краболовки из воды, он бросил одну из них у моих ног и ушел. Я осталась на ветру, и мои руки немели от работы с колючими раковинами. Однако за свою жизнь я очистила несчетное количество крабов, и даже если это была работа, которой никто не хотел заниматься, я могла делать ее с закрытыми глазами.

Хэмиш подошел к носу, вглядываясь в воду, и я, выглянув за угол, увидела, что Уэст огибает коралловые острова. Он отсутствовал достаточно долго, и солнце начало клониться к закату, однако вернулся он, судя по всему, с пустыми руками.

Остер и Падж подняли маленькую лодку, возвращая ее на свое место на корме, и закрепили тросы. Мгновение спустя Уэст перепрыгнул через борт. Он расстегнул китель, позволив ему соскользнуть с плеч, пока шел по боковой палубе. Внезапно Уэст замер, заметив меня, и его взгляд стал жестче, когда его взгляд пробежал по моему лицу.

– Что произошло? – процедил он сквозь зубы.

Позади него Падж поднял руку и провел ею по своей бритой голове. Его плечи нервно напряглись, и я не совсем понимала почему. Если бы даже я утонула в подводном течении, это не было бы проблемой Уэста. Хотя, возможно, это была всего лишь очередная проверка.

– Поскользнулась на кливере и упала на ванты, – сказала я, поворачиваясь к нему спиной.

Я чувствовала его взгляд на своей коже, когда бросила пустой панцирь в ведро, стоящее у моих ног. Уэст исчез в своей каюте, и я глубоко вздохнула, зажмурив глаза от обжигающей боли, ползущей вверх по шее.

Когда я снова их открыла, Остер стоял у стола. Он поставил передо мной миску, а я потянулась за очередной парой крабовых ног. Я посмотрела на дымящуюся похлебку и с трудом сглотнула.

– Я не голодна.

– Ты работаешь – ты ешь. Это справедливо, – сказал он, придвигая миску ближе ко мне.

Я подняла глаза, изучая его лицо. В его глазах не было и намек на злой умысел, но некоторым людям удавалось скрывать свои истинные намерения лучше, чем другим. Любой, кто посмотрел бы на меня, вероятно, сразу понял, что я умираю с голоду, но я не могла позволить себе оказаться перед кем-то в долгу.

– Ты очистила целую краболовку. Все честно.

Он взял одно из ведер и ушел, оставив меня в одиночестве на боковой палубе.

Моя рука сжалась на краю разделочного стола, когда я прильнула к нему, погружившись в размышления. По правде говоря, для меня не имело значения, почему Падж давал мне еду. Мне нужно было поесть, особенно если впереди меня ждало несколько дней лихорадки.

Я уронила колотушку и взяла в трясущиеся руки миску, осторожно поднеся ее ко рту. Соль и специи обожгли поврежденную кожу вокруг губы, но бульон согрел мои внутренности, и я застонала от блаженства. Вкус похлебки воскресил череду выцветших, затертых воспоминаний, от которых внутри у меня все сжалось. Я зажмурилась, отгоняя непрошенные видения, прежде чем они смогли принять более четкую форму. Грязными пальцами я выудила мягкий кусочек картофеля из похлебки, сунула в рот и разжевала, чувствуя, как он обжигает мне язык.

Мой взгляд упал на закрытую дверь каюты шкипера, и я задалась вопросом, был ли Уэст в курсе того, что Остер подкармливает меня. Уэст ясно дал понять, что ничего мне не должен. Возможно, миска с похлебкой в обмен на два дня труда, как и сказал Остер, действительно была не в счет. Или, может быть, ему стало жаль меня. От этой мысли у меня почти пропал аппетит.

Я вылила остатки бульона в рот. Мой желудок уже болел, и я вернулась к работе. Как только с последним крабом было покончено, я спустилась по ступенькам с ведром в руках. Скрип корпуса был единственным звуком в темном проходе, где вдоль стен тянулись три двери, каждая из которых была отмечена гербом «Мэриголд».

– Я здесь, – в темноте одной из кают раздался голос Остера, и я увидела его глаза, которые блеснули в свете фонаря, качнувшегося на крюке.

Остер вылез из гамака и встретил меня на пороге. Он потянул за цепочку на шее, на которой висели ключи, и в уголках его глаз по обыкновению была усмешка, которая делала его еще более красивым, чем он казался на первый взгляд. Его тело было поджарым, покрытым кожей цвета увядшей пшеницы, и я не раз задавалась мыслью, не мерещится ли мне написанная на лице Остера доброта, которой я не замечала у других. Рукава его рубашки были закатаны, обнажая черные чернила татуировки на предплечье в виде замысловатого узла. Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что это изображение двух переплетенных змей, каждая из которых поедает хвост другой. Это был символ, который мне прежде не доводилось видеть.

Остер остановился у первой двери, вставил один из ключей в ржавый железный замок, отодвинул задвижку и пинком распахнул дверь. Я последовала за ним внутрь. Солнечные лучи освещали небольшую кладовую, забитую просмоленными бочками с водой и ящиками с едой. Синие и янтарные стеклянные банки выстроились вдоль стены на полках. С крюков, закрепленных на переборке, свисало сушеное соленое мясо. Я подняла ведро, чтобы поставить его на верстак, и скрип половиц над головой заставил меня поднять глаза. Я рассмотрела какое-то движение, когда между щелями мелькнули тени. Прямо у меня над головой располагалась каюта шкипера.

Я подошла ближе к стене, наклонившись вперед, чтобы попытаться увидеть Уэста.

– Вот и все, – Остер держал дверь открытой одной рукой, ожидая меня.

Мои щеки обдало огнем, когда он взглянул на меня, и я поняла, что он заметил мое любопытство. Я быстро кивнула и выскочила в коридор, после чего Остер вернул задвижку на место.

Он накормил меня, но не собирался рисковать, позволяя мне задерживаться в кладовке и подробно изучать внутреннее устройство корабля. Что ж, он все делал правильно. У старпома была весьма кропотливая работа не только потому, что он следил за оснасткой судна и пополнял запасы в порту. Он также был человеком, который ловил рыбу, ставил ловушки и считался главным добытчиком. Я бы тоже не стала доверять изголодавшейся нырятьнице, позволяя ей шастать под палубой.

Уилла уже лежала в своем гамаке, когда я переступила порог каюты. Я опустила крышку рундука и села на него сверху, зашипев от боли, когда моя спина коснулась стены.

Девушка откинула волосы через плечо, наблюдая за мной.

– Что же понадобилось нырятьнице Джевала в Узком проливе?

– Я задаюсь тем же вопросом.

Я ошетибилась, когда в проходе появился Падж, прислонившись к дверному косяку. Я даже не слышала, как он спустился по ступенькам.

Я перевела взгляд с Уиллы на Паджа, и по моей коже побежали мурашки. Им было любопытно, и это заставляло меня нервничать. Возможно, я совершила ошибку, когда решила играть в их игру и нырнула за медяком. Однако если я правильно разыграю свои карты, то

смогу выудить из этих двоих полезную информацию. Мне просто нужно было добавить к своей лжи немного правды.

– Я ищу кое-кого, – сказала я, наклоняясь вперед, чтоб опереться локтями о колени.

Уилла тут же заглотила наживку.

– Кого?

Я вытащила нож из-за пояса и воткнула его рядом с собой в рундук. Я крутила рукоятку до тех пор, пока в дереве не появилась маленькая дырочка.

– Торговца. Его зовут Сейнт.

Уилла села в гамаке, свесив ноги, и обменялась с Паджем взглядом.

– Что тебе нужно от Сейнта? – Падж рассмеялся, и по его лицу расплылась ослепительная улыбка. Однако в его смехе было что-то неестественное.

И вот тут снова вступили в игру правила моего отца.

Существовало всего одно обещание, которое я дала Сейнту. Я могла бродить по кораблю, где вздумается, исследовать деревушки и порты и делать вообще все, что мне заблагорассудится. Но пока я держала свое слово, я не теряла его благосклонности.

Я никогда и никому не должна была говорить, что я его дочь. Вот и все.

Я ни разу не нарушала данного слова и сейчас не собиралась.

– Работа, – я пожала плечами.

Уилла хитро посмотрела на меня.

– Ты хочешь работать в команде у Сейнта? – уголок ее рта опустился, когда она поняла, что я не шучу. – В качестве кого? Нырлящицы?

– Почему бы нет?

– Почему бы нет? – Падж повысил голос. – Хотеть попасть в команду Сейнта – все равно что желать смерти. Даже на Джевале у тебя больше шансов выжить.

В каюте воцарилась тишина, и краем глаза я заметила блик света, когда Уилла повернула кинжал в своей руке. Рукоятка клинка была украшена ограненными драгоценными камнями разнообразных цветов, а гарда была обвита замысловатыми узорами из кованого серебра, которые слегка заходили на лезвие.

– Как долго вы двое в команде у Уэста? – я встала и осторожно забралась в свой гамак, прикусив губу, когда ткань коснулась припухших ссадин на моем плече.

– С самого начала, то есть два года, – с легкостью ответил Падж, что меня удивило. – Когда Уэст получил «Мэриголд», он взял Хэмиша и Уиллу. Мы с Остером присоединились чуть позже.

В этот момент я поняла, почему он с такой готовностью поделился со мной этой информацией. Это было частью длинной истории. И единственными людьми в Узком проливе, кто рассказывал истории, были те, кому было что скрывать. Все, что он говорил мне с такой охотой, вероятно, было ложью.

Я глубже погрузилась в гамак.

– Вы все очень юные, – сказала я, и в моих словах прозвучал невысказанный вопрос.

– Мы все росли на разных кораблях, – сказал Падж. – Все мы – беспризорники Уотерсайда.

Это могло оказаться правдой. По крайней мере, частично. Но акценты Паджа и Остера явно указывали на то, что они не были родом из Сероса.

Уилла опустила глаза на свой кинжал. Рукоятка была украшена самоцветами: рубинами и опалами. Это не самые дорогие камни, но их размеры делали их весьма ценными. Подобная вещь выглядела слишком дорогой, чтобы принадлежать беспризорнице Уотерсайда.

Точно так Сейнт и научил меня лгать. Всегда нужно было основывать свою ложь на правде. По крайней мере, некоторые из членов команды росли на улицах Уотерсайда. Торговые суда часто брали на борт беспризорников, которые жили на берегу Сероса, предлагая еду

и обучение ремеслу в обмен на опасную работу. Большинство таких детей вырастали и становились матросами, но я никогда не слышала, чтобы беспризорнику доверили командование кораблем.

Еще более нелепой была мысль о том, что такая команда могла получить лицензию на торговлю. Существовало пять гильдий, которые контролировали почти все аспекты жизни в пределах Узкого пролива: Гильдия Ржи, Гильдия Корабелов, Гильдия Парусных мастеров, Гильдия Кузнецов и Гильдия Самоцветов. У каждой гильдии был глава. Все пять глав заседали в Торговом совете, и это были единственные люди, которые имели право выдавать торговцам лицензии, необходимые для ведения дел в каждом порту. Команда «Мэриголд» никак не смогла бы получить подобное официальное разрешение самостоятельно. Кем бы ни являлся Уэст, у него был, по крайней мере, хотя бы один влиятельный покровитель.

Когда я ничего не сказала, Падж ушел, оставив Уиллу и меня наедине. Глаза девушки были полузакрыты, и мне пришла в голову мысль о том, что я не видела ее спящей с тех пор, как поднялась на борт. Я не совсем понимала, как кто-либо из них мог позволить себе отдохнуть, когда, казалось, у каждого из них было по три вахты вместо одной.

– Как долго ты уже ныряешь? – спросила Уилла, понизив голос.

– Всю жизнь. Моя мать начала учить меня нырять сразу, как только я начала плавать.

Сейнт всегда говорил, что она была лучшей ныряльщицей в Узком проливе, и я в этом не сомневалась. Он брал к себе в подчинение только лучших, и люди, которые управляли его кораблями, никогда не оставляли его. В этом не было необходимости, когда они заработали больше денег, чем кто-то еще в Узком проливе.

Но у моей матери была другая причина, чтобы оставаться с ним.

Я лишь однажды видела, как Сейнт улыбался, тайком наблюдая за родителями. Они были у него в каюте. Мама отвела его руки от карт, над которыми он работал, и обвила ими свое маленькое тело. Он положил подбородок ей на макушку и улыбнулся, и я помню, как подумала, что прежде никогда не видела его зубы в улыбке и лучики морщинок возле его глаз. В тот момент он казался совсем другим человеком.

Сейнт нарушил свои собственные правила, когда влюбился в мою мать. Он нарушил их раз сто.

– Она осталась на Джевале?

Я моргнула, отгоняя воспоминание.

– Нет, – я позволила единственному слову повиснуть в воздухе, отвечая на большее число вопросов, чем Уилла задала. Прежде чем она успела спросить что-то еще, я сменила тему.

– Так, значит, ты боцман?

– Верно.

– И где ты этому училась?

– То здесь, то там.

Я не стала выпытывать у нее подробности. Я не хотела знать о членах команды больше, чем мне необходимо, и надеялась, что они тоже не узнают обо мне ничего. Я выдала им всю информацию, которую могла, когда сказала, что ищу Сейнта.

Лучшими боцманами обычно были женщины, способные быстро забираться на мачты и ловко маневрировать в небольшом пространстве. Я всегда поражалась тому, как боцманы работают, наблюдая за ними с главной палубы «Жаворонка». Они никогда не испытывали недостатка в рабочих местах, потому что каждому кораблю требовался хотя бы один.

«Мэриголд», казалось, обходилась самым скромным экипажем, в который входили шкипер, казначей, старпом, боцман и штурман.

– У вас нет ныряльщика, – заметила я, разглядывая ботинки на стене, которые освещались солнечными лучами.

Голос Уиллы был не громче шепота.

– Да. Больше нет.

Моя кожа покрылась мурашками, и воздух в каюте внезапно похолодел, когда я вспомнила, что сказал Остер, когда я перепрыгнула через бортовые ограждения и ступила на борт.

Последний человек, который нас обокрал, пошел на корм рыбам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.